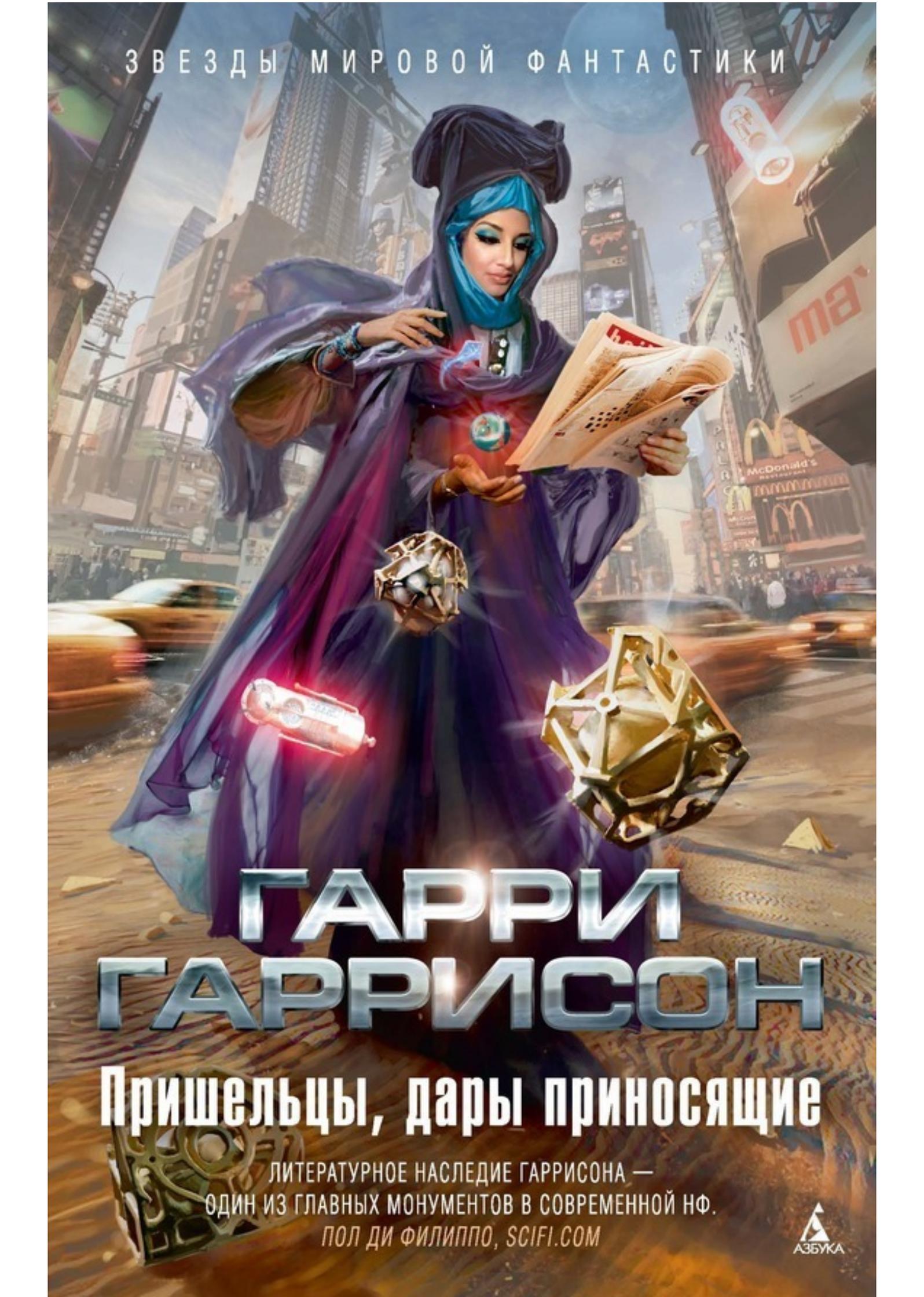

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ГАРРИ ГАРРИСОН

Пришельцы, дары приносящие

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ГАРРИСОНА —
ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ МОНУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НФ.
ПОЛ ДИ ФИЛИППО, SCIFI.COM

АЗБУКА

Гарри Гаррисон

**Пришельцы, дары
приносящие (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

2014

Гаррисон Г.

Пришельцы, дары приносящие (сборник) / Г. Гаррисон —
«Азбука-Аттикус», 2014

ISBN 978-5-389-07968-7

В этой книге собраны рассказы, написанные Гарри Гаррисоном в разные годы его блистательной литературной карьеры. Некоторые из них перекликаются с романами, принесшими ему мировую славу, другие абсолютно самостоятельны. Гаррисон пробовал себя в разных жанрах, нередко писал в соавторстве и публиковался под разными псевдонимами, но его произведения получались неизменно оригинальными и увлекательными. Многие из вошедших в эту книгу рассказов на русский язык переведены впервые.

ISBN 978-5-389-07968-7

© Гаррисон Г., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Часть первая	6
Вопрос времени	6
КБОКК наносит новый удар	22
Голос КБОККа	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Гарри Гаррисон

Пришельцы, дары приносящие (сборник)

© Г. Корчагин, Д. Могилевцев, А. Новиков, А. Петрушина, К. Плешков, О. Полей, Г. Соловьева, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Вопрос времени

– И что сейчас будет? – спросил Джефф О’Хара, глядя красными от усталости глазами на деревянный ящичек с рядом разноцветных лампочек на крышке.

– Перехожу к демонстрации, – ответил Антонини. Его длинные узловатые пальцы заплясали по рядам кнопок на задней стенке ящичка, и ритмично запыльхали разноцветные огоньки. Откинув с лица длинные седые волосы, он сосредоточенно нахмурился. – Для управления колороматахромом требуется немалый опыт, почти искусство, которое состоит в том, чтобы обнаружить гармоничные колебания, почувствовать дисгармонию, а затем выбрать нужное сочетание... О! Я только что зафиксировал отклонение... оно все четче... Большой палец... на вашей правой руке... с ним что-то неладно...

– Там у меня заусеница, – проворчал Джефф, записывая несколько строк в блокнот. – Сложно не заметить.

– Заусеница? Я ее не видел, поскольку глаза мои, естественно, были закрыты. Но гармоничные колебания должны устранить изъян. Поближе к ящичку, пожалуйста. – Снова замелькали длинные пальцы и замерцали огоньки. – Сейчас начнется излечение, и ваша кожа восстановится.

– С большинством заусениц поступают проще, – сказал Джефф, покусывая свою. – Ладно, Антонини, можете выключать, я уже видел достаточно. По условиям нашего фонда вы имеете право на грант...

– Ага! – Антонини театрально выпрямился, сплетя пальцы на груди, и в глубоких темных глазницах вспыхнули огни. – Значит, вы верите! Осознаете ценность моего колороматахрома!

– Я осознаю, что это всего лишь груды мусора, а его работа – простой фокус, но мое мнение значения не имеет. А теперь, для документов, – как ваше имя?

– Вы меня оскорбляете! – взвизгнул Антонини, в негодовании размахивая руками. – Вы сомневаетесь в моей правоте, в моих открытиях, в моих поисках, чтобы надо мной посмеяться! Берегитесь, пока мои пальцы по своей собственной воле не вцепились в ваше лживое горло, источающее яд...

– Спокойнее! – глухо прорычал Джефф, расправляя под пиджаком мускулистые плечи.

Несмотря на средний рост, зарождающуюся лысину и возраст под сорок, он производил впечатление человека, с которым шутки плохи, – пять лет службы в морской пехоте наложили неизгладимый отпечаток. Антонини сразу же перестал размахивать руками и попятился.

– Вот так-то лучше, – сказал Джефф. – Как я уже вам говорил, это всего лишь мое личное мнение, о котором вы и спрашивали. На возможность выдачи гранта оно не влияет, не считая того, что я поместил вас в низшую категорию по причине явной бесполезности вашей штуковины. Вот вам пачка бланков, несколько конвертов с марками и адресами и брошюра с инструкциями. Читайте инструкции и в соответствии с ними заполняйте бланки отчетов. Их отправляйте по почте в последний день каждого месяца, а от фонда будут приходить чеки, в данном случае на сто долларов.

– За столь мизерную сумму я никогда не...

Тяжелый взгляд Джеффа заставил его замолчать, а затем прошелся по разваливающейся мебели и пыльным занавескам.

– Театральные представления оставьте для простаков. Судя по виду этой свалки, сто баксов – это на девяносто восемь больше того, что вы зарабатываете сейчас. Так что слушайте внимательно. Нас не интересует, скольких людей вам удалось или не удалось излечить на самом

деле, – нас интересуют лишь подробные отчеты. Мы их тщательно проверяем. Если попадетесь хоть на малейшем преувеличении, на микроскопической лжи в описании результатов ваших процедур, вы будете немедленно исключены из нашего реестра без возможности восстановиться. Вам ясно?

– Более чем, – уныло ответил Антонини.

Он упал в кресло и начал просматривать брошюру с инструкциями, что-то бормоча. Джефф взглянул на часы и защелкнул дипломат:

– Если есть вопросы, звоните в фонд, номер на внутренней стороне обложки. А мне пора. Я жду междугородного звонка.

Свежесть ранней весны чувствовалась даже в пропитанном смогом воздухе городских улиц. Джефф свистнул, подзывая такси. Продолжая насвистывать, он толкнул внушительную тиковую дверь с золотыми буквами: «Комиссия по благотворительности, обслуживанию и контролю качества». Заметив его, Салли Паркер подняла взгляд от пишущей машинки.

– Засвистите по-другому, когда увидите, кто ждет в вашем кабинете, – сказала она.

– Никому не разрешается ждать у меня в кабинете.

– Похоже, умеренный образ жизни дурно влияет на память. «Мисс Паркер, – сказали вы мне, – если в мое отсутствие придет страдающий плоскостопием джентльмен в ботинках сорок пятого, пусть подождет в моем кабинете». Конец цитаты.

– Представитель закона? – Джефф задумчиво прищурился. – Интересно, что стряслось на этот раз? – Он вошел в кабинет и хмуро уставился на упитанного мужчину, который стоял у окна, держа руку в кармане пиджака. – Моя фамилия О'Хара. Чем могу помочь?

– Маннгеймер, детектив. – Незнакомец неуклюже вытащил левой рукой удостоверение и махнул им; правая оставалась в кармане.

– Рад познакомиться, сержант Маннгеймер. Что вы хотели?

– К нам поступила жалоба...

– На меня?

– Нет, на какого-то жулика по имени Акакака, который, как выяснилось, получает деньги от вашего фонда, и нам нужны некоторые сведения...

– Одну минуту, сержант. – Подойдя к ряду шкафов, Джефф вытащил ящик с табличкой «А – Д» и быстро просмотрел его содержимое, после чего вернулся к столу с папкой в руке и перелистал ее. – Да, помню его, приятный старичок, ему как минимум лет девяносто. Что вы хотите о нем узнать?

– Все. Если вы согласитесь передать нам эти документы, они станут ценным доказательством для суда.

– Этого я сделать не могу, сержант Маннгеймер. – Джефф закрыл папку и положил на нее руки. – Наша документация конфиденциальна. Я отвечу на все вопросы, на какие сумею, но к картотеке вас не допущу.

Будь Маннгеймер чуть внимательнее, он заметил бы, как внезапно похолодел тон О'Хары.

– На вас лежит гражданская ответственность! – прорычал детектив, нахмурившись так, что глаза-пуговицы скрылись за бровями. – Этот Акакака – жулик, который якобы читает будущее. Он водит за нос простофилю, а вы его покрываете, О'Хара, и мы имеем право посадить вас в тюрьму вместе с ним как соучастника. Будьте с нами честны, и мы всегда вам поможем, но попробуйте только обмануть, и окажетесь за решеткой.

– Не пытайтесь меня запугать, фараон безмозглый! – рявкнул Джефф, бросая папку в ящик стола и щелкая замком. – Можно подумать, будто у вас самих все кристально чисто. Ввалились без ордера на обыск, пытались в мое отсутствие добраться до конфиденциальных документов, а это самое настоящее уголовное преступление.

– О чем это вы?

– Вы не вынимаете правую руку из кармана – вот о чем! Все мои шкафы надежно заперты. Любой, кто попытается их открыть, получает заряд несмываемой красной краски. Какого цвета ваша рука, Маннгеймер?

Детектив вскочил, и если цвет его руки оставался неизвестным, то лицо определенно побагровело.

– Я все про вас знаю, О’Хара, – заорал он, – но хотел обойтись с вами помягче. Это моя ошибка, и она не повторится. Мы следили за вами в центре города, да, следили, и добьемся...

– Ничего вы не добьетесь, кроме лишних неприятностей на свою дурную голову, – процедил Джефф, – поскольку я записываю наш разговор вместе с угрозами и прочим. К вашему сведению – и к сведению ваших партнеров из городского совета, – я позабочусь о том, чтобы они получили копию этой записи. У нас некоммерческий благотворительный фонд, организованный в соответствии с законами суверенного штата. Наша деятельность состоит в выплате грантов исследователям, отвечающим строгим условиям. Источник наших средств – находящееся в доверительном управлении имущество, оставленное покойным Вольфгангом Шлюсселем, трудолюбивым джентльменом, сделавшим небольшое состояние на свиных консервах. В возрасте сорока пяти лет у мистера Шлюсселя обнаружили рак желудка, и после того, как дорогостоящее лечение оказалось неэффективным, врач выписал дополнительный запас морфия и сказал пациенту, чтобы тот приготовил завещание и смирился с судьбой. Мистер Шлюссель написал завещание, но смириться с чем бы то ни было не пожелал – он не бедствовал и любил жизнь. Не получив желаемого от обычной медицины, он решил искать иные, неординарные средства и в конце концов нашел среди болот Миссисипи женщину, которая вылечила его змеиным ядом...

– Шарлатанство!

– Мне уже приходилось слышать подобное. Так или иначе, врач мистера Шлюсселя назвал его излечение спонтанной ремиссией и забыл об этом. Но сам мистер Шлюссель ничего не забыл. Ему хотелось помочь людям, которые страдали так же, как и он, но, к несчастью, та женщина вскоре умерла. Мистер Шлюссель благополучно и плодотворно прожил еще десять лет, пока не пал жертвой инфекции желчного пузыря. К несчастью для него, шарлатанов, специализировавшихся на подобных болезнях, рядом не оказалось, и он умер, но завещал все свои деньги на основание фонда, который содействовал бы открытию иных лекарств и методик, способных облегчить страдания многим нездоровым. Следуя аргументированным советам высокооплачиваемых юристов, организацию создали именно в том виде, в каком вы застали ее сегодня. Это всего лишь исследовательский орган, который содействует открытиям в неизведанных областях и публикует результаты своих поисков. Мы даем грант каждому, кто занимается разработкой новых методик или изобретательской деятельностью и не может получить финансирование из других источников. Не имеет значения, если устройство или метод выглядит поддельным или бесполезным, – наша задача не в том, чтобы оценивать факты, но в том, чтобы попросту их собирать. Люди, получившие от нас гранты, представляют регулярные отчеты о своей работе, которые мы проверяем на точность изложения, но не более того. В конце каждого года объединенные результаты этих отчетов публикуются в виде книги. – Джефф взял со стола толстый том в темной обложке и показал разъяренному детективу. – Вот и все, чем мы занимаемся. Разработка и использование открытий – дело их авторов, так же как семейные проблемы и взаимоотношения с полицией. Все, что я мог бы рассказать вам о гуру Акакаке, содержится в этой книге, которая, вероятно, имеется у вас в полиции. Если нет, с удовольствием пришлю вам экземпляр. Это стоит всего семь долларов. Из книги вы узнаете все, что вам необходимо знать о КБОККе, Комиссии по благотворительности, обслуживанию и контролю качества.

– Да вы все шарлатаны! – взорвался детектив. – Шарлатаны из КБОККа помогают другим шарлатанам...

- Если вы не знаете других слов, сержант, то вам лучше уйти.
- Не шутите надо мной! – рявкнул Маннгеймер, ударяя кулаком по столу.

Кулак был правый. И ярко-красный.

- Ну вот, сами видите, – улыбнулся Джефф.

Детектив дрожал от ярости, лишившись дара речи и понеся поражение на всех фронтах. Похоже, какая-то искорка разума все же вспыхнула в его пропитанном адреналином мозгу, поскольку он с глухим рычанием лягнул зубами, повернулся и, топая, выбежал из кабинета. Дверь плавно закрывалась сама с помощью специального механизма, так что сержант даже не сумел доставить себе крошечного удовольствия – громко ею хлопнуть.

Выйдя следом за ним, Джефф с удовлетворением увидел, как затворяется входная дверь. Салли сидела в наушниках и слушала запись разговора, то и дело качая головой или прищелкивая языком.

- Ну и выражения... – сказала она. – А вы не слишком-то были с ним вежливы.

– С чего бы? Все знают, что он член городского совета, известного своей продажностью, а я поймал его с поличным, когда он пытался копаться в моих документах. Давайте-ка взглянем на ваши ноги.

Продолжая слушать запись, Салли выставила ноги из-под стола и задрала юбку до колен. Симпатичный вид ее ног несколько успокоил гнев О'Хары – даже ужасный пурпурный цвет тонких чулок не слишком этому мешал.

- Как держатся? – спросил он.

– Сами видите. Я уже восемь месяцев ношу их на работу. Каждый день надеваю – и ни спущенных петель, ни разрывов, ни дыр.

– Может, если бы вы носили их дома, в трамваях, автобусах и так далее, они все же начали бы ветшать.

– Ни за что! – Она опустила юбку и убрала ноги под стол. – Мне и тут-то в них не очень, хотя никто не видит, но я делаю это лишь ради двадцати пяти долларов исследовательского гранта, который вы платите мне каждый месяц. На моих ногах эти чулки смотрятся просто кошмарно.

Джефф вынужден был признать, что так оно и есть. Бархатистая коричневая кожа Салли несколько не гармонировала с пурпурной полоской.

- Как думаете, мистер Икс еще когда-нибудь придет? – спросила Салли.

Джефф пожал плечами – об этом он не имел ни малейшего понятия. Таинственный человек, именовавшийся в документах «мистером X», пришел однажды, сунул в руки Джеффу пакет с чулками, буркнул, что их вовек не сносить, и исчез. Больше о нем ничего не слышали, и никто не знал, из какого материала изготовлены чулки.

– Если позвонят из Эквадора, ответьте: «No hay reglas fijas»¹, – распорядился Джефф. – Мне нужно воспользоваться «горячей линией», и я не хочу, чтобы мне мешали.

- Принято, босс. No hay reglas fijas.

У себя в кабинете Джефф повернул выключатель, который запирает дверь, затемнял окна, генерировал высокочастотный шум в стенах, потолке и полу, препятствовавший подслушиванию, и отключал все внешние электрические и телефонные линии. Свет моргнул, переключаясь на питание от аккумуляторов. Выдвинув нижний ящик стола, Джефф достал обычного вида телефонный аппарат. Это была «горячая линия», телефон его собственного изобретения, который почти невозможно прослушать извне.

В офисном здании на другой стороне улицы стоял телефон, зарегистрированный на подставную фирму, арендовавшую офис. Его связывал с аппаратом Джеффа модулированный инфракрасный луч, невидимый и необнаруживаемый без соответствующего оборудования.

¹ Определенных правил нет (*исп.*).

Джефф не сомневался, что полиция уже прослушивает его обычные линии и знает, что он у себя в кабинете и, соответственно, не может незамеченным куда-либо позвонить. Так что полицейских ждал сюрприз. Нажав кнопку, он набрал номер, и телефон через улицу послушно набрал тот же самый номер для него. Услышав гудки, Джефф нажал кнопку разговора.

– Гуру Акакака слушает, – послышался высокий дрожащий голос.

– Кто-то навел на вас копов, – ответил Джефф и отключился.

Звонок, сделанный с помощью автомата на телефонной станции, был слишком короток, чтобы его отследить, но гуру получил предупреждение. Джефф слегка кривил душой, говоря сержанту, что никогда не вмешивается в дела получателей грантов от фонда. На самом деле ему этого совсем не хотелось, но порой вынуждали обстоятельства – как сейчас. Гуру, обаятельный старичок, специализировался на предсказаниях будущего, обычно открывая пожилым вдовушкам секреты биржевой игры и беря заранее процент с дохода, который они могли получить, последовав его советам. Если они теряли деньги, Акакака объяснял, что виной тому вредное излучение черных звезд из космоса и единственный способ их обмануть – еще раз попытаться счастья на бирже. Бывало, какая-нибудь вдова заглядывала в свой банковский счет и вызывала полицию. Судя по всему, так случилось и в этот раз.

Полиция смотрела на подобные махинации весьма косо, хотя Джефф, следовавший иным правилам, не видел в них особого вреда. В конце концов, выиграть на бирже может любой, с помощью гуру или без него. К тому же в интересах фонда было, чтобы гуру Акакака оставался на свободе, – он не имел никакого понятия о биржевой игре, попросту читал перечни названий в ежедневной газете, но успех его предсказаний роста или падения акций далеко выходил за рамки случая. Возможно, он действительно видел будущее, и именно это Джеффу хотелось выяснить.

Джефф убирал телефон «горячей линии» обратно в стол, когда раздался приглушенный стук в массивную дверь.

Повинуясь мгновенному рефлексу, он нажал большим пальцем на панель под крышкой стола, и на ладонь упал револьвер тридцать восьмого калибра. Салли никому не позволила бы беспокоить Джеффа, когда он говорил по «горячей линии», даже если бы в здании бушевал пожар. Раз его все-таки потревожили, значит случилось нечто и впрямь серьезное, а опыт научил его, что в таких ситуациях револьвер в руке стоит двух в столе. Повернув отпиривший дверь выключатель, он прицелился сквозь тонкую фанеру передней стенки стола.

Дверь распахнулась, и в помещение ввалился потный толстяк, таща за собой протестующую Салли, которая лупила его тяжелой сумочкой.

– Спасите! – воскликнул толстяк, пытаясь прикрыть голову от ударов. – Мне нужно увидеться... с вами, мистер О'Хара... Простите, что помешал, но... это очень важно... Ой! – Сумочка угодила по уху.

– Можете отпустить его, верный страж. – Джефф убрал револьвер обратно в стол. – Это один из самых старых наших грантополучателей, доктор Юсабиус...

– Доктор Хэмпстед, если позволите. Кое-какие неприятности в Чикаго... ну и понимаете... новая фамилия...

– Прекрасно понимаю. Позвольте представить вам доктора Хэмпстеда, мисс Паркер.

– Он мог бы и подождать! – презрительно фыркнула Салли, хладнокровно поправляя прическу.

– Дело не терпит отлагательства, милая леди... Примите мои глубочайшие извинения. Пришлось спешить... Полиция...

– Кто-нибудь видел, как вы сюда вошли? – прервал его Джефф.

– Нет, я был крайне осторожен... хотя знаю, что за мной следили.

– Салли, не будете ли вы так добры занять свое место за машинкой и запомнить, что после ухода сержанта Маннгеймера никто здесь не появлялся.

- В таком случае я вполне заслуживаю премию на Рождество. За лжесвидетельство.
- И вы никогда не слышали ни о ком по имени доктор Хэмпстед.

Дверь за Салли закрылась, и посетитель едва успел устроиться в кресле, когда в селекторе послышался ее голос:

- К вам сержант Маннгеймер и еще один джентльмен.
- Пусть войдут, – ответил Джефф, нажимая кнопку, включившую спрятанный под волосами Салли наушник. – Но не раньше чем через пятнадцать секунд!

Отключив селектор, он метнулся к шкафам.

– Как же я рад, что каждый день не похож на предыдущий, – вздохнул он, одновременно нажимая на ручки ящиков «К – Л» и «С – Т». Вертикальный ряд ящиков плавно скользнул вперед, открыв проход в комнатку. – Сюда, быстрее. Хоть там и тесновато.

Хэмпстед со стоном протиснулся в укрытие:

- Прошу прощения... что доставил вам хлопоты...

Джефф швырнул ему вслед оторвавшуюся пуговицу и вернул ящики на место, после чего возвратился к столу и взял с него папку. В то же мгновение открылась дверь.

- Где он?! – рявкнул Маннгеймер, вваливаясь в кабинет.

По пятам за сержантом следовал тип, внешне почти не отличавшийся от него, – такой же квадратный и плоскостопый.

- Прошу прощения?

– Меня не проведешь, О'Хара. Присутствующий здесь детектив Коварский видел, как сюда вошел шарлатан по имени Хэмпстед.

- Рад познакомиться.

- Никто не заметил, как он отсюда вышел, а у Коварского есть ордер на его арест. Где он?

- Явно не здесь. Говорите, его видели, когда он входил в этот кабинет?

- Нет, он вошел в здание, но куда он еще мог пойти, как не в ваш клуб чокнутых?

- Я не желаю больше слышать оскорблений в мой адрес или обвинений во лжи, сержант. –

Голос Джеффа был холоден, словно сибирская ночь. – Наш разговор записывается, он будет использован в качестве доказательства в суде, если я решу подать против вас иск. Можете обыскать кабинет, и сами убедитесь, что здесь никого нет. Обыщите приемную, и обнаружите то же самое. Как видите, тут нет других дверей и комнат. А затем я попрошу вас выйти вон и больше меня не беспокоить.

Что-то бормоча и кипя от злости, детективы прошлись по двум комнатам, словно медведи по клетке, после чего удалились. Великодушно улыбнувшись, Джефф включил селектор:

– Бонус в тридцать долларов к празднику за не входящие в должностные обязанности услуги.

- Можете называть это подкупом за ложь, я не обижусь.

Снова заперев дверь, Джефф открыл шкаф и помог Хэмпстеду выбраться.

– Я уже не молод, – простонал Хэмпстед, опускаясь в кресло и утирая лоб аккуратным сложенным носовым платком. – Просто не могу снять с себя бремя служения человечеству, несмотря на все поношения и оскорбления. Сложность в том, что...

– Давайте по порядку, доктор. – Джефф положил на стол папку. – Сверим все данные, а потом продолжим. Вы упоминали, что больше не практикуете под фамилией Юсабиус?

- Хэмпстед. Доктор Хэмпстед, если позволите, по материнской линии.

– Хорошо, пусть будет Хэмпстед. Так, давайте посмотрим... Родился... учился... степень бакалавра по химии... доктор хиропрактики. Вы не получали других степеней со времени нашей последней встречи?

- Ну... собственно, одну получил. Меня удостоили звания доктора целительства.

- Это, видимо, с той фабрики дипломов в Канзасе? Сто баксов, и вы доктор по почте?

– Сто пятьдесят, мой мальчик. Что поделаешь – инфляция. Но документ в самом деле превосходный, натуральный пергамент.

– Так, вроде все... или хотите что-нибудь добавить про ваше лекарство для ног «Мальш-атлет»?

– Лучше бы вы не напоминали, дружище, об этой черной полосе в моей жизни. Учтите, во всем виноват мой ассистент – я никогда не добавил бы столько фенола в...

– Конечно, док.

– Последний пациент уже выписывается из больницы, пересадка кожи прошла успешно. Прошу вас, забудьте об этом неприятном инциденте. Сейчас я занимаюсь совершенно иным, облегчаю страдания человечества с помощью моей чудодейственной «Формулы двадцать один икс».

– Хотелось бы услышать об этом побольше. – Джефф достал из ящика бутылку древнего бурбона и два стакана. – Ваши гланды не возражают против небольшой профилактики?

– Мои гланды, как всегда, в полном здравии, – ответил Хэмпстед, быстро протягивая руку. – Но вот нервы поправить не помешает.

Причмокнув, он выдохнул, выпил полстакана и поудобнее устроился в кресле.

– «Формула двадцать один икс» – итог многолетнего корпения в лаборатории, плод моего гения, полностью отвергнутый закосневшим медицинским сообществом. Но мне уже пришлось нести подобное бремя. Будучи в долгу перед страждущим человечеством, я пожертвовал многим, чтобы основать небольшую клинику в бедном районе, где я специализируюсь на болезнях носа, горла и легких, почти эндемичных в данной местности в это время года.

– И как идут дела?

– До сегодняшнего дня шли превосходно! – Слегка покрасневшие глаза Хэмпстеда вспыхнули гневом, и он допил бурбон. – Каждый считает меня своим другом, и только один человек желает мне зла. «Формула двадцать один икс» настолько эффективна, что я берусь лишь за те случаи, с которыми не могут справиться остальные врачи. Подобным респираторным инфекциям особенно подвержены дети, и, когда они месяцами страдают без малейшего улучшения, а родители получают огромные счета, больных приводят ко мне. Я прописываю очистительную диету, дыхательные упражнения для вентиляции легких, полоскания для укрепления горла – и бутылочку «Формулы двадцать один икс». И все. Прием любого пациента стоит пять долларов, и матери плачут от радости, видя результаты моего чудодейственного лечения. Ко мне приходят богатые и бедные, включая детей троих наших городских полицейских, что отчасти объясняет, почему меня не преследуют. Но у меня есть враг, некий врач по фамилии Миган. Обманом завладев небольшим количеством «Формулы двадцать один икс», он проанализировал ее и заявил, что она не представляет никакой ценности – моя панацея, излечившая восемьдесят семь пациентов, которым он не сумел помочь!

– И он заявил на вас в полицию?

– Совершенно верно. – Хэмпстед мрачно уставился на дно пустого стакана. – И я боюсь, мне потребуются средства, чтобы перебраться в более дружелюбное место.

– Это можно устроить. – Джефф снова наполнил стаканы. – Но вы знаете правила предоставления гранта. Необходимы подробные отчеты, а в данном случае мне понадобятся сведения о ваших полосканиях, дыхательных упражнениях и очистительной диете. А также образец чудодейственной «Двадцать один икс».

– Я тщательно вел отчеты, как всегда, но они в моей квартире, в кабинете. Боюсь, полиция устроила там засаду.

– Придумаем способ их достать. Как насчет лекарства?

– Не уверен... это секретная формула...

– Но у вашего доктора Мигана уже есть образец, так что, если вы дадите мне другой, никакого вреда не будет.

– И все-таки...

Джефф вынул из запертого шкафа зеленый металлический ящик, поставил его на стол и открыл. Внутри лежало множество зеленых банкнот.

– Вот что мы сделаем. Фонд предоставит вам грант в размере двухсот долларов в месяц в течение года. Учитывая, что вы уже какое-то время работали над проектом, мы передвинем дату на год назад, так что вы сможете получить полную сумму сразу же. Две тысячи четыреста долларов.

Он вынул пачку банкнот и с хрустом ее согнул.

– По рукам! – Хэмпстед поставил на стол бутылочку с дымчатого цвета жидкостью.

За ней последовал помятый листок с инструкцией по применению.

– Подпишите бланк и поставьте дату. А потом подумаем, как вытащить отчеты из вашего кабинета.

Имевшийся в конторе запас еды – банка мясных консервов и коробка крекеров – вполне удовлетворил Хэмпстеда, а вечером Джефф оставил доктора взаперти за надежной дверью. Поскольку за Джеффом следили по крайней мере двое детективов, он отправился в один из самых дорогих ресторанов города – как ради собственного удовольствия, используя средства на представительские расходы, так и для того, чтобы заставить городскую казну пойти на некоторые траты. Судя по виду обоих полицейских, они любили хорошо поесть. Через четыре часа, съев семь блюд, выпив бутылку вина и выкурив хорошую сигару, он вздохнул, отодвинул стул и стряхнул с себя «хвост»: в последний момент вскочил в трамвай, пройдя через отель и проскользнув через кинотеатр. Потом вернулся кружным путем к себе в кабинет и разбудил храпящего Хэмпстеда.

– Я готов. – Хэмпстед облизнул пересохшие губы и потер заспанные глаза. – Может, еще по стаканчику напоследок?

Они выпили, и Джефф отметил различные пути проникновения в квартиру Хэмпстеда:

– Входная дверь отпадает, за ней наверняка следят. За выходом в переулок, скорее всего, тоже. Может, стоит пробраться через крышу с соседнего здания? Или по пожарной лестнице?

Хэмпстед глухо застонал:

– Надо подниматься на шестой этаж, а я уже немолод. Но это куда лучше, чем заниматься акробатикой на пожарной лестнице. Пошли?

– Одну минуту, мне нужно переодеться в рабочую одежду.

Хэмпстед с интересом наблюдал, как Джефф облачается в короткую черную куртку, завязывает шарф, скрывающий белую рубашку, надевает темные туфли на резиновой подошве и синий берет. Затем он примерил темные очки и фальшивые черные бороду и усы.

– Не слишком ли откровенно, мой мальчик? – спросил Хэмпстед. – Маскировка в стиле Шерлока Холмса и немного кино, вы лишь внимание к себе привлечете.

– Я надена это только после того, как привлеку к себе внимание. – Джефф засунул поддельную растительность в карман. – Незапатентованный метод О’Хары. Любой, кто меня в этом увидит, может сказать, что у подозреваемого моя походка, мое телосложение и вообще это могу быть я, но, пока меня не поймают – что я им вряд ли позволю, – до конца они уверены быть не могут. Идем.

Они спустились на автоматическом лифте в подвал. Джефф убедился, что вокруг нет уборщиков, и они углубились в серые и пыльные недра здания. Остановившись перед зеленой металлической дверью, Джефф достал связку ключей.

– Что мы тут делаем? – спросил Хэмпстед, показывая на жирную надпись на двери: «Высокое напряжение – не входить». Дальше следовало: «50 000 вольт – опасно», а также: «Городская электросеть». Угрожающий облик двери довершался большим черепом со скрещенными костями.

– Еще одно доказательство силы печатного слова, – ответил Джефф, отпирая и распахивая дверь.

Они вошли в следующий подвальный коридор, выкрашенный краской несколько иного оттенка. Когда дверь за ними закрылась, Хэмпстед с удивлением увидел, что предупреждающая надпись повторяется и по эту сторону.

– Где же электричество?

– Лишь в вашем воображении. Я приделал эту дверь к стене подвала в выходные, перед тем как должен был приступить к работе новый сторож. Он, естественно, воспринял ее как неотъемлемую часть здания и даже к ней не подходил. Как и работники городской электрической компании, которые вообще о ней не слышали. Пришлось лишь подождать несколько месяцев – техперсонал на таких работах сменяется быстро, – пока то же самое не произошло и в соседнем здании, а потом я проделал в стене дыру и обзавелся персональным входом. Это многоквартирный дом, так что мы просто выйдем из него как его законные жители.

Поднявшись на крышу четвертого из ряда соседствующих домов, они двинулись дальше в сторону квартиры Хэмпстеда, которая заодно служила ему и рабочим кабинетом. Холодный ветер бросал им в лицо хлопья снега, помогая маскироваться. Дверь на крыше оказалась заперта, но у Хэмпстеда был ключ. Оставив ее открытой на случай бегства, они тихо спустились на первый этаж.

– Кто-то может прятаться внутри, – прошептал Хэмпстед, когда они приблизились к его двери.

– Придется рискнуть, нам необходимы ваши отчеты.

Надев бороду и очки, Джефф открыл дверь и неслышно вошел. Руки он держал перед собой, но в квартире никого не оказалось.

– Вон там папки с отрывными листами. – Хэмпстед показал на темные очертания книжных полок.

Посветив карманным фонариком, Джефф нашел папки и перелистал содержимое – стандартные бланки отчетов КБОККа. Листы из папок переместились в его карман, и в то же мгновение послышался грохот, а дверь едва не слетела с петель.

– Выходите! – проревели из коридора. – Мы знаем, что вы там!

– Попались! – выдавил Хэмпстед.

– Куда ведут эти окна? – прошипел Джефф.

– Во двор.

– Пошли! – сказал Джефф, открывая окно.

Дверь содрогнулась от очередного удара, и верхняя петля со скрежетом подалась.

– Еще немного, и они будут здесь! Вы первый, док!

Хэмпстед спрыгнул с восьмифутовой высоты во двор. Джефф не дал ему упасть, крепко держа за руку. Едва ученый приземлился, дверь с треском и грохотом слетела с петель и в помещение ворвалась громадная туша сержанта Маннгеймера.

– Стоять! Я вас вижу! Стоять, я сказал!

Джефф перекатился через подоконник и свалился на землю, надеясь, что не сломает ногу. Приземлившись по-кошачьи, он вскочил и потащил Хэмпстеда к воротам, ведущим в переулок. Они преодолели полпути, когда в окне появился детектив.

– Стоять, или стреляю!

Они были уже за углом, когда позади раздался первый выстрел и в темноте свистнула пуля. Послышался грохот металла и хриплый возглас.

– Похоже, Маннгеймер налетел на мусорные баки, которые мы благополучно миновали! Это его задержит. Пора прибавить скорости, док. Еще раз за угол, и мы в безопасности.

– Простите... боюсь, я не смогу... Похоже, у меня проблема...

Хэмпстед ковылял все медленнее, и Джеффу приходилось чуть ли не волоочь его на себе. Вот ученый окончательно остановился и осел, прислонившись к стене и тяжело дыша:

– Сердце... Похоже, дальше мне не уйти. Не могли бы вы... у меня в кармане... нитроглицерин...

Достав упаковку таблеток, Джефф вложил две в рот Хэмпстеду. Послышался полицейский свисток и топот бегущих по переулку ног.

– Идите, Джефф. Все будет в порядке... а отдых в тюрьме мне сейчас не мешает. Какой смысл нам обоим...

Джефф поколебался, глядя, как из-за угла появляется яркий луч фонаря.

– Не беспокойтесь, – сказал О’Хара, – мы все равно выкрутимся. И ваши записи нам в том помогут.

Повернувшись, он выскочил из освещенного круга и бросился бежать по переулку. Даже если бы Джефф остался, Хэмпстеду это ничем бы не помогло, но, пока О’Хара сам на свободе, можно сделать еще очень многое.

Но он слишком долго медлил. В очередной раз свернув за угол, Джефф услышал новые свистки, спереди и с боковых улиц. По сути, он оказался в ловушке.

– Что-то я начинаю уставать от всей этой беготни, – пробормотал Джефф.

Сорвав шарф, он утер им пот с лица и бросил на тротуар. Туда же полетели берет, очки в роговой оправе и накладная борода. Затем он быстрым движением выскользнул из темной куртки, выворачивая ее наизнанку. Другая ее сторона была из белого нейлона, с подвернутыми лапами, державшимися на нескольких стежках. Джефф разорвал нитки, и полы упали, превращая куртку в плащ до колен.

Шагнув к обочине, Джефф запихал маскировочные средства в открытый канализационный люк, после чего не спеша зашагал в ту сторону, откуда только что пришел. Достав на ходу из кармана сплюснутую фетровую шляпу, он расправил ее и надел. То была итальянская борсалино, единственная несминаемая шляпа в мире. Из другого кармана он вынул трубку, уже набитую табаком и снабженную электрическим поджигом, и, нажав скрытую кнопку, глубоко затянулся. Проходя под уличным фонарем, он выпустил большой клуб дыма, и тут же сзади донесся тяжелый топот сержанта Маннгеймера, за которым следовал полицейский в форме. Маннгеймер пробежал было мимо, но взглянул на лицо Джеффа и тут же замер.

– Вы арестованы, О’Хара! Вам не уйти! – проскрежетал он, хватая Джеффа за руку.

Джефф спокойно попыхивал трубкой, не говоря ни слова, пока не появился сопровождавший сержанта полисмен.

– О чем вы, Маннгеймер? У вас есть ордер на арест? А если даже и есть – в чем меня обвиняют?

– У меня нет ордера, О’Хара, но я собственными глазами видел, как вы лезли из окна, помогая шарлатану Хэмпстеду сбежать!

– Этого просто не может быть, поскольку я еще не дошел до жилища доктора Хэмпстеда. Как выглядел человек, которого вы приняли за меня?

– Да бросьте, я же вас видел! С накладной бородой, в очках, в черной куртке и берете... – Сержант не договорил, заметив белый плащ и серую шляпу.

– Человек, которого вы видели, тоже курил трубку? – спокойно спросил Джефф.

В наступившей тишине отчетливо послышался скрежет зубов Маннгеймера.

– Возможно, вы ошиблись в темноте, сержант, – после долгой паузы сказал полицейский в форме. – Этот парень нисколько не подходит под ваше описание, к тому же он шел в другую сторону. Вряд ли это он.

– Совершенно верно, офицер, – кивнул Джефф, показывая трубкой на ряд темных дверей по другую сторону улицы. – Между прочим, я видел, как подходящий под ваше описание человек вбежал в одно из тех зданий. Возможно, это именно тот, кого вы ищете.

– Это вам так с рук не сойдет! – прохрипел Маннгеймер, не отпуская Джеффа. – Вы все равно окажетесь за решеткой, и мы выьем из вас всю правду.

– Что ж, пожалуйста, – спокойно сказал Джефф. – Но потом я подам на вас в суд за неправомерный арест, а присутствующий здесь офицер даст показания, что я нисколько не похож на вашего подозреваемого, и я еще представлю аудиозаписи, подтверждающие вашу предвзятость и постоянные попытки мне досадить. Вы проиграете дело. И если даже вас не уволят со службы, то понизят до рядового топтуна и пошлют в такое захолустье, что в участок придется звонить по межгороду.

Сержант Маннгеймер медленно отпустил руку Джеффа, издавая горловые нечленораздельные звуки.

– Ну вот и хорошо. – Джефф выпустил клуб ароматного дыма и зашагал прочь.

За углом он ускорил шаг, на случай если сержант вдруг передумает. Наличие в карманах отчетов Хэмпстеда, а также кое-чего еще объяснить было бы непросто, но он надеялся, что вся эта история умрет естественной смертью. Джефф свистом остановил такси, и мгновение спустя оно уносило его прочь, туда, где ему ничто не угрожало.

Навстречу, мигая огнями и воя сиреной, пронеслась «скорая помощь», и Джефф вдруг вспомнил, что оставил Хэмпстеда в беде. Высадившись из такси у своей конторы, он расписался в книге ночных дежурств в вестибюле и направился к себе в кабинет. Раскладывая на столе листы с отчетами, он другой рукой набирал телефонный номер.

– Чего надо? – спросил гнусавый голос сквозь грохот музыки и нестройное пение.

– Блэкстоун у вас?

– Он всегда у нас, когда заведение открыто.

Телефон ударился обо что-то твердое. Джефф продолжал читать отчеты, пока в трубке не послышался приятный баритон:

– Энтони Дж. Блэкстоун слушает, с кем имею честь?

– Это Джефф. У меня для вас срочная работа. Будьте готовы ко всему – у вас появился новый клиент.

– Вообще-то, Джефффри, у меня есть и другие неотложные дела.

– Надраться вы сможете и завтра. Да и сегодня ночью; если что, клиентами будет кому заняться. Речь идет об официальном деле КБОККа, и за вашим клиентом стоит наш фонд.

– Вот это уже совсем другой разговор, Джефффри. Подробности?

С таким адвокатом, как Блэкстоун, Хэмпстед мог рассчитывать на любую дозволенную законом защиту, а может, и на чуть большую. Покончив с этим, Джефф наконец сосредоточился на отчетах. К трем часам ночи он разрешил себе немного расслабиться и налил в стакан на четыре пальца контрабандного виски. Стоя у окна, он смотрел на спящий город и раскладывал по полочкам выясненное.

Первое: Хэмпстед вел подробные записи обо всех своих пациентах, а также отмечал с их слов, сколько времени они безрезультатно лечились у других врачей.

Второе: все пациенты безуспешно лечились у других врачей от одной до восьми недель.

Третье: все пациенты Хэмпстеда страдали острой простудой, сопровождавшейся лихорадкой и болью в горле.

Четвертое: все пациенты выздоровели.

Многое зависело от правдивости отчетов Хэмпстеда, но это можно было проверить. Джефф не сомневался в их подлинности с тех самых пор, как Хэмпстед начал получать гранты КБОККа. От большинства его снадобий было крайне мало пользы, но отчеты всегда отличались скрупулезной точностью. Шансы на то, что верны и последние, были весьма высоки, и в таком случае Джефф знает, что делать.

К рассвету он уже составил план действий. Побрившись, он принял несколько таблеток кофеина, запил их амфетамином с небольшим количеством бурбона и почувствовал, что готов.

Джефф надел чистую рубашку, табачного цвета костюм, большие черные ботинки на толстой подошве, с квадратными носами и легкую серую фетровую шляпу. Сделав на офисном ксерксе копии отчетов Хэмпстеда, он сунул их в карман вместе с бутылочкой «Формулы 21-Х» и вышел.

За стимуляторами последовали обильный завтрак и четыре чашки крепкого кофе. Когда он закончил, город вокруг уже просыпался. Позвонив в бар «Последний шанс», он выяснил, что Блэкстоун вернулся с добрыми известиями: доктор Хэмпстед прекрасно себя чувствует и крепко спит в тюремной больнице. Джефф отправился на такси в коммерческую лабораторию, где оставил «Формулу 21-Х» для анализа, а затем поехал в больницу, там как раз начинался утренний прием.

– Мне к доктору Мигану, – сказал он медсестре, пристально глядя на нее и не обращая внимания на разномастное сборище пациентов в приемной.

– Я запишу вас, сэр, но придется подождать своей очереди.

– Я лейтенант О’Хара, – бросил Джефф, взмахивая перед ней бумажником с золотым жетоном, – и здесь нахожусь по служебной надобности.

– Да, конечно, лейтенант, одну минуту. – Она поспешила в кабинет.

Войдя следом за ней, Джефф показал жетон Мигану:

– Доктор, я бы хотел получить у вас некоторые сведения о так называемом докторе Хэмпстеде, арестованном вчера вечером. Насколько нам известно, вы можете помочь.

– Всегда рад, лейтенант. Прошу вас, садитесь.

Доктор Миган сплел пальцы на столе, терпеливо ожидая вопросов, – пожилой, чисто выбритый, надежный семейный доктор, привыкший к банальным жалобам пациентов и достаточно опытный, чтобы при необходимости направить их на специализированное лечение. Вздохнув, Джефф разложил перед собой копии отчетов:

– Мы обнаружили, что этот Хэмпстед лечил некоторых ваших пациентов. Надо понимать, без вашего разрешения или одобрения?

– Конечно.

– Не могли бы вы рассказать кое-что о них?

– С радостью помогу, чем смогу.

– Хорошо. Например, Мария Чавес, девяти лет, – от чего вы ее лечили перед тем, как она пошла к Хэмпстеду?

– Одну минуту. – Доктор Миган развернулся в кресле и перелистал карточки в ящике на соседнем столе. – Да, маленькая Мария. Я ее помню, но хотел удостовериться. У нее был инфекционный мононуклеоз, весьма тяжелый случай.

– А Золтан Кадьир, пяти лет?

– Так... Да, тоже инфекционный мононуклеоз.

Джефф проверил еще пятерых, получив тот же ответ, и наконец спросил:

– Может быть так, что Хэмпстед лечил лишь тех ваших пациентов, которые страдали от одной и той же болезни?

– Вполне вероятно. Была суровая зима, и инфекционным мононуклеозом в наших краях болели многие.

– Не могли бы вы просветить меня, что это такое? Я далек от медицины.

– Конечно. Это инфекционное заболевание, характеризующееся внезапным началом и острым течением, сопровождающееся болями в горле, шейной лимфаденопатией и перемежающимися фебрильными эпизодами...

– Хватит, доктор! Я ничего не понял уже после болей в горле.

– Можно сказать проще: распухшие шейные железы и лихорадка, – улыбнулся Миган.

– Да уж, приятного мало. Могу понять, почему родители тревожились, когда эту хворь подхватывали их дети. Хэмпстед утверждает, что вылечил всех.

Впервые за все время разговора профессиональное спокойствие оставило доктора Мигана – для него это была большая тема.

– Это обманщик, мошенник! Инфекционную болезнь невозможно излечить полосканиями, дыхательными упражнениями и его фальшивым снадобьем, которое на самом деле всего лишь сладкая вода с добавкой антигистаминов и обычного средства от насморка, вроде тех, что можно найти в любом дешевом сиропе от кашля, который продается без рецепта.

– Значит, средства Хэмпстеда не могут излечить инфекционный мононуклеоз?

– никоим образом! Разве что сделать еще хуже.

– У меня есть сведения, что вы получили образец лекарства Хэмпстеда и проанализировали его.

– Да, вот он. – Доктор достал из ящика полупустой пузырек и лист бумаги. – А вот и отчет из лаборатории. Я давно считал, что этот шарлатан угрожает здоровью общества, и, поскольку власти никак не пытались его остановить, провел расследование сам. У моей восьмилетней племянницы тяжелый случай инфекционного мононуклеоза, и я попросил ее мать сводить девочку к Хэмпстеду. Так я получил этот образец.

– Вы позволили шарлатану лечить малышку?

– Нет, конечно, я лишь хотел добыть «Формулу» Хэмпстеда. Ее я оставил себе.

– Значит, ваша племянница выздоровела?

– Как я уже сказал, у нее тяжелый случай, с трудом поддающийся лечению. Она все еще больна.

– Судя по всему, лекарство Хэмпстеда помогло всем его пациентам, так что вряд ли оно бы повредило...

– лейтенант О'Хара, вы не медик, – бросил Миган, гневно раздувая ноздри. – Я же не учу вас вашей профессии, так что и вам не стоит учить меня моей. Ни один квалифицированный врач ни при каких обстоятельствах не счел бы эту чушь настоящим лекарством.

– Но...

– Всего хорошего, лейтенант. Меня ждут пациенты.

Джефф взял шляпу и вышел. Открыв дверь, он столкнулся лицом к лицу с вытаращившимся на него сержантом Маннгеймером.

– Доброе утро, сержант. Уверен, доктор вас примет.

Обойдя застывшую на пороге массивную тушу, Джефф отправился дальше. Он жалел, что не может услышать предстоящий разговор, в котором наверняка будет упомянута фамилия О'Хары, но у него имелись дела и поважнее.

Прежде всего он зашел в лабораторию, где его уже ждали результаты анализа. Он прочитал их в такси. Похоже, «Формула 21-Х» Хэмпстеда представляла собой именно то, о чем говорил доктор Миган. Получив от водителя сдачу, Джефф поднялся по серым гранитным ступеням и нырнул в телефонную будку.

– Комиссия по благотворительности, обслуживанию и контролю качества, доброе утро.

– Говорит ваш работодатель. Что нового?

– Рад, что вы позвонили, мистер Синкович. Возможно, вам удастся найти адвокатов мистера О'Хары. Тут двое полицейских, и они говорят, что хотят его арестовать.

– Так я и предполагал, но, как мне кажется, он запросто выкрутится, сам притворившись полицейским. Верно?

– Верно.

– Займите их чем-нибудь. В крайнем случае покажите свои ноги. Меня не будет до завтра, и к тому времени либо все разрешится, либо я заработаю девяносто девять лет каторги.

– Удачи вам, мистер Синкович. Гвардия умирает, но не сдается.

– Так сказал генерал Камброн при Ватерлоо в тысяча восемьсот пятнадцатом, но сам он умер только в тысяча восемьсот сорок втором, и французы проиграли сражение – что подтверждает либо одно, либо другое.

Повесив трубку, он вошел в библиотеку Медицинского центра, намереваясь во всех подробностях изучить историю, способы лечения и симптомы инфекционного мононуклеоза, чтобы иметь возможность говорить на равных со специалистами, которых он собирался нанять. Если в лекарстве Хэмпстеда содержится хоть что-то полезное, оно будет обнаружено, и данный факт станет серьезным аргументом защиты в суде. Джефф не рассчитывал в одночасье обнаружить золотую жилу, но именно так и случилось.

– Эврика! – прошептал он, глядя на лежавшую перед ним газетную вырезку.

Пока делалась ее копия, он вернулся в телефонную будку и сквозь толпу завсегдатаев и обслуги «Последнего шанса» пробился к Блэкстоуну.

– Как дела? – спросил Джефф.

– Лучше, чем я предполагал, Джеффри, но все равно плохо. Собственно, никто особо не хочет сажать Хэмпстеда в тюрьму, учитывая его больное сердце и невинный вид. К тому же, что еще более важно, у одного из надзирателей и нескольких полицейских он успешно вылечил детей. Уверен, если кое-кого подмазать, мы вытащим его с условным сроком и штрафом. Вот только обвинения со стороны некоего врача осложняют задачу.

– Подразумеваете доктора Мигана?

– Вы прекрасно осведомлены.

– А если Миган откажется от обвинений, тогда есть шанс?

– В таком случае могу гарантировать, что самое большее через неделю счастливый мистер Хэмпстед будет греть спину под флоридским солнцем.

– Действуйте, адвокат. Мяч на вашей стороне.

Повесив трубку, Джефф поспешил на поиски очередного такси. На этот раз его походка была чуть более пружинистой – после долгой ночи предстоял еще более долгий день, но конец пути был уже виден.

– Что вам тут нужно, самозванец? – сердито спросил доктор Миган входящего в кабинет Джеффа и потянувшегося к телефону.

– Пришел поговорить с вами, доктор. Я вовсе не самозванец, и можете положить трубку – ваша медсестра уже позвонила в полицию, сообщив о моем приходе. Прежде чем сюда явятся копы, мы успеем побеседовать.

– Мне нечего сказать тому, кто назвался лейтенантом полиции и показал фальшивый жетон.

– Все было не так. Я представился как лейтенант О’Хара, и это соответствует действительности: я состою в резерве морской пехоты. В Англии офицеры используют звания в гражданском обиходе, но, похоже, здесь мне придется от этой привычки отказаться, поскольку она ведет к недоразумениям. А жетон у меня вместо визитки. – Он раскрыл на столе бумажник, и доктор Миган удивленно прочитал: «Джеффри О’Хара, директор фонда КБОКК». – Но сейчас все это не важно. Куда важнее обсудить ваши обвинения против Хэмпстеда, чье единственное преступление состоит в том, что он опередил свое время.

– Тут нечего обсуждать.

– Думаю, есть что. Позвольте задать один вопрос: что может сделать пациент, если доктор поставил ошибочный диагноз и предложил неэффективное лечение?

– Может подать в суд за халатность.

– Учтите, доктор, – это вы сказали, не я. А теперь позвольте прочитать выдержку из итогового доклада собрания Американской коллегии алергологов. Она касается псевдомоно-

нуклеоза, недавно обнаруженного заболевания, клинически неотличимого от инфекционного мононуклеоза...

– Дайте взглянуть. – Доктор Миган потянулся к вырезке.

По мере того как он читал, морщины на лице становились все глубже, а когда он медленно положил вырезку на стол, стало ясно, что он настоящий старик.

– Видите ли, доктор, – как можно вежливее сказал Джефф, – Хэмпстед лечил болезнь, которую вы не распознали. Как вы могли заметить, рекомендованное лечение от псевдомононуклеоза в своей основе точно такое же, как от любой хронической носоглоточной аллергии: средства от насморка, соляные промывания, препятствующие вторичным инфекциям и болям в горле, повышение окружающей влажности. Иначе говоря – принимайте «Формулу двадцать один икс», почаще открывайте окна и полощите горло.

– Но... это собрание состоялось всего несколько месяцев назад. Новых публикаций и лекарств слишком много, за всем просто не уследить...

– Сегодня чуть раньше вы говорили мне другое – про черное и белое. Вы всегда правы, а шарлатаны всегда ошибаются. Но единственная ошибка данного шарлатана заключается в том, что он слегка опередил время. Аллергологи немало потрудились, чтобы обнаружить эту болезнь, но они ошибались, называя ее новой. Она уже существовала какое-то время, иначе врачи не смогли бы выявить ряд ее случаев, а Хэмпстед не смог бы лечить ее. Вы справились со всеми случаями истинного мононуклеоза, но вам не поддалась внешне похожая на него болезнь. Вероятно, то же самое имело место и у других врачей. Потом Хэмпстед занялся теми случаями, что оказались вам не по зубам, и добился стопроцентного успеха. Вы говорили мне, что шарлатан всегда не прав, но в данной ситуации не правы оказались вы, не став выяснять, насколько реальны применяемые им средства. Так что помогите ему. Он уедет из этого штата и никогда вас больше не побеспокоит, если вы откажетесь от обвинений против него.

– Я... не могу...

– У вас было восемьдесят семь пациентов, которых вы подвергли неправильному лечению и которых поставил на ноги Хэмпстед. Вряд ли они будут рады видеть, как вы свидетельствуете против него в суде, а ведь за ними стоят восемьдесят семь возможных обвинений в халатности.

– Вы мне угрожаете, сэр?

– Вовсе нет, просто излагаю факты. И последнее. Вы будете лечить вашу племянницу средством, рекомендованным коллегией аллергологов, а ведь это и есть средство Хэмпстеда, то самое, в применении которого вы его обвиняете. Разве это честно?

Пауза затягивалась. В кабинете было столь тихо, что отчетливо слышалось тиканье огромных старинных часов. Затем доктор Миган вздохнул, признавая свое поражение:

– Я отказываюсь от обвинения. У меня действительно нет выбора.

– Разумное решение, доктор. Поздравляю. Полагаю, вы сами увидите, что всем, и вам в том числе, от этого будет только лучше.

Послышался стук в дверь. Джефф встал и открыл, улыбнувшись при виде багровой от злости физиономии:

– Входите, сержант Маннгеймер. У меня для вас немало интересных новостей.

*«Выдержка из статьи, опубликованной в „Медикал трибьюн“
от 27 марта 1964 года*

Найден вид аллергии, полностью схожий клинически с инфекционным мононуклеозом.

Майами-Бич, Флорида. На состоявшемся здесь Двадцатом ежегодном конгрессе Американской коллегии аллергологов врач из Массачусетса описал псевдомононуклеоз аллергического происхождения, – очевидно, это новая болезнь, клинически неотличимая от инфекционного мононуклеоза.

Доктор Бернард А. Берман из Бруклина, Массачусетс, сообщил о ее проявлениях у шестнадцати детей, из которых все выздоровели после аллергической терапии.

По его словам, наиболее важные клинические признаки данного синдрома – постоянные боли в горле, шейная лимфаденопатия и перемежающиеся фебрильные эпизоды, типичные также для инфекционного мононуклеоза. Клинические симптомы, однако, различаются в двух отношениях: отсутствие спленомегалии и высокий процент атипических лимфоцитов.

Возраст шестнадцати пациентов составлял от четырех до десяти лет, и среди них было равное число мальчиков и девочек. Большинство болели в течение двух – четырех месяцев и по этой причине пропустили много занятий в школе.

Он также добавил, что существенное влияние на патогенез данной болезни оказывают внешние условия, такие как относительная влажность. Все дети, кроме одного ребенка, жили в домах, обогреваемых принудительной системой подачи горячего воздуха, сильно снижающей влажность. Почти все почувствовали себя лучше после того, как относительная влажность была повышена до достаточного уровня.

Лечение псевдомононуклеоза, по его словам, в своей основе не отличается от лечения хронической носоглоточной аллергии, при которой принимаются традиционные средства от насморка и делаются соляные промывания, препятствующие вторичным инфекциям и болям в горле».

КБОКК наносит новый удар

– Да уж, – сказал Джефф О’Хара, любуясь собой в ручном зеркале, – шляпа и впрямь что надо.

Его макушка пряталась под блестящим шлемом, из которого во все стороны дикобразными иглами торчали металлические прутки. Сбоку выходил толстый пучок изолированных проводов и тянулся к ящику с множеством кнопок и циферблатов; оттуда, потрескивая, выползала исчерканная зигзагами бумажная лента.

Внутри ящика приглушенно звякнуло. Изобретатель, коротышка с густой черной бородой, что-то пробормотал под нос и пощелкал переключателями.

– Вот она, ваша электронная френограмма! – радостно объявил он, бросая на стол перед Джеффом кусок бумажной ленты.

Тот взглянул на нее, как на ядовитую змею.

– Плод моего гения! – воскликнул изобретатель. – Результат многолетнего тяжкого труда! После смерти незабываемого Франца Йозефа Галля² никому не удавалось сделать большего. Вот эти стержни, что у вас на голове, перемещаются по вертикали, следуя изгибам черепа. В каждый из датчиков встроен чувствительный реостат, измеряющий степень смещения, а выходные данные всех реостатов записываются на ленту. Как думаете, КБОКК выделит мне грант?

Джефф снял тяжелый шлем и почесал макушку.

– Хороший вопрос, – проговорил он, переводя взгляд со шлема на ленту и обратно. – Похоже, штукавина сделана как надо и задачу свою выполняет, вот только сама ваша френология вызывает серьезные сомнения. По мне, так это чепуха чепуховая – большей чуши и придумать трудно.

– Вы меня оскорбляете? Я не затем сюда пришел, чтобы выслушивать...

– Спокойно, Типтофт, дайте закончить. Я сказал, что теория кажется мне дурацкой, и не покривил душой, но это вовсе не значит, будто ваш прибор недостоин гранта КБОККа. Комиссия по благотворительности, обслуживанию и контролю качества выделяет средства на исследования любого рода независимо от их реальной ценности. Один ученый у нас занимается иглоукалыванием, а другой – придумывает всякие заклинания, пытаюсь сквасить ими молоко... В общем, кто мы такие, чтобы втискивать научную мысль в прокрустово ложе?

Зажужжал селектор, Джефф нажал кнопку:

– В чем дело?

– Какой-то джентльмен желает вас видеть. Говорит, он из полиции, сержант Маннгеймер.

– Гр-р-р... – прохрипел Типтофт, судорожно хватаясь под бородой за горло.

– Через пару минут, мисс Паркер, – ответил в микрофон Джефф, бросив на ученого удивленный взгляд. – Как только уйдет мой посетитель. – Отключившись, он повернулся к Типтофту. – Насколько я понял, вы немного знакомы с нашим другом-сержантом?

– Он... из отдела по борьбе с мошенничеством.

– Можете дальше не объяснять. Понимаю и сочувствую.

Джефф нажал кнопку на столе, и в потолке сдвинулась панель из звукоизолирующего материала. Раскрывший от удивления рот Типтофт смотрел, как на тонкой цепочке опускается большой крюк. Тот остановился прямо над столом, и Джефф подцепил им ручку на корпусе френографа. После нажатия еще одной кнопки процесс пошел в обратном направлении, и Типтофт разинул рот еще шире, глядя, как его изобретение возносится к потолку и исчезает в черной дыре. Панель скользнула на место, и единственным напоминанием о красовавшемся на

² Франц Йозеф Галль – австрийский врач и анатом, основатель френологии.

столе приборе осталась лишь лента в руке хозяина кабинета. Бросив ее в ящик стола, Джефф тщательно его запер.

– Обычно спрятанное ищут в стенах и полу, в мебели и тому подобном, – сказал он. – Но никому не приходит в голову обыскивать потолок.

– Мое изобретение!..

– Оно в полной безопасности до следующего вашего визита; тогда вы сможете его забрать.

Будете уходить, попросите мисс Паркер назначить вам время.

– Это катастрофа! Маннгеймер знает меня в лицо!

– КБОКК терпеть не может, когда ему пытаются мешать. – Выдвинув нижний ящик стола, Джефф извлек нечто похожее на комок бинтов и темные очки.

Бинты были пришиты к тканевой основе. Натянув эту необычную маску на голову Типтофту и с трудом заправив под нее бороду, Джефф застегнул на затылке изобретателя молнию. Типтофт испуганно тарасился в отверстия, пока Джефф не надел ему очки.

– Ну вот, теперь вы выглядите так, будто по вашей голове проехался грузовик. Под этими бинтами вас не то что Маннгеймер, родная мать не узнает. Когда увидимся в следующий раз, вернете.

Джефф повел ошеломленного изобретателя к выходу, дав знак, чтобы впустили Маннгеймера. На пороге посетители столкнулись, и детектив выпучил глаза.

– Что это было? – спросил Маннгеймер, когда дверь закрылась.

– Человек-невидимка. Вы что, телевизор не смотрите?

– О’Хара, мне сегодня не до шуток.

– Прошу прощения. Это мой деловой партнер, с ним случилась неприятность в парикмахерской. Бритва...

– Хватит! Уже жалею, что спросил, – простонал детектив, устало опускаясь в кресло для посетителей. – Вы должны мне помочь, О’Хара. Иначе я конченный человек. Только и останется, что застрелиться.

Эти слова настолько потрясли Джеффа, что наступила непривычная тишина. До сих пор при каждой встрече между этими людьми вспыхивал спор, со стороны детектива сопровождавшийся прямыми и завуалированными угрозами. Хозяин насторожился, – возможно, это ловушка.

– Не соизволите ли объясниться? – спросил он, включая коленом магнитофон.

– Слышали когда-нибудь о мошеннике по имени Фаркухар?

– Никогда.

– А о некоем субъекте, который представляется как профессор доктор Херингбут?

– Если бы вы хорошенько учили уроки и если бы ваше продажное управление полиции не скупилось на покупку ежегодника КБОККа – семь долларов в год, включая пересылку, – вы бы знали, что в пятьдесят седьмом году добрый доктор получил у нас грант. – Джефф повернулся к полке, снял увесистый темный том и перелистал страницы. – Да, вот он.

– Этот Херингбут – честный человек? В смысле, настоящий ученый?

В голосе детектива слышалось отчаяние, и Джефф предпочел не огрызаться в ответ: вряд ли сержант настолько хороший актер, чтобы убедительно притворяться.

– Он ученый с оригинальным умом, и притом хороший специалист. У него выше крыши научных степеней, промышленные патенты, которые приносят ему приличный доход, – в общем, достойный исследователь. Вот только с одним у него не все в порядке...

– С чем?

– Он уже десять лет как свихнулся. Об этом тоже есть в ежегоднике.

– Сегодня же он будет сидеть в психушке! – воскликнул Маннгеймер, к которому вернулась прежняя несносная самоуверенность, и вскочил с кресла.

– Нет, не будет.

– Это еще почему? – Детектив вновь плюхнулся в кресло.

– Он совершенно безобиден, вот почему. Вы не первый, кто пытается упрятать его под замок. Дело передали в суд, но он выиграл. Теперь у него есть ушлый адвокат, доступный в любую минуту, психиатр, готовый прийти на помощь когда угодно, и телохранитель, который с ним днем и ночью. Может, все-таки расскажете, что случилось?

– Это кошмар! Я не смог даже доложить лейтенанту. Если поделюсь с вами, будете молчать? Кто-нибудь узнает – мне конец...

– Честное скаутское! – Джефф поднял два пальца, перекрестившись и сплюнув. – Как вам известно, КБОКК очень хорошо хранит тайну.

– Известно-известно, – мрачно буркнул детектив. – Мне ничего больше не остается – нужна помощь. Кое-кто в мэрии, некая важная шишка, связался с этим мошенником Фаркухаром, похоже самым ловким во всей стране. Он ни разу не попадал в тюрьму, мы только и можем, что следить за ним, когда он в городе, и давить на него, чтобы наконец отсюда свалил. Где он только ни орудовал – за карточным столом, на скачках, притворялся родственником арестованного в Испании, но так и не попался, настолько хитер. Мы даже не знали, что он опять в городе, проворачивает очередную операцию вместе с этим доктором Херингбутом. Уже нашел себе очередную жертву, о чем я проведал случайно. А если у него все получится – мне несдобровать, раз я не сумел посадить его за решетку до того, как он сделал свое грязное дело.

– И кто же его жертва?

– Это секретная информация...

– В таком случае, до свидания.

Потея, страдая и дрожа, Маннгеймер наконец набрался смелости и проговорил сквозь стучащие зубы:

– Ниссинг...

– Новый комиссар полиции?

– Он самый! Я никому не могу рассказать – комиссар взбесится, если кто-то узнает, что он стал жертвой мошенника. Так что...

– Вы пришли ко мне, чтобы спасти свою шкуру и шкуру комиссара? И как же, по-вашему, я могу это сделать?

– Ну... вы же знаете этого профессора, могли бы поговорить с ним, объяснить, во что он ввязался и что ему грозит. Убедите его отступить. Без него Фаркухар сам не справится. А потом, уже без профессора, мы нажмем как следует на Фаркухара и заставим убраться из города.

– Превосходный план, сержант. За одним лишь существенным исключением. Зачем мне таскать для вас каштаны из огня?

Маннгеймер в замешательстве поскреб затылок.

– Ну же, я слушаю, – ледяным тоном произнес Джефф и, не дождавшись аргументов, глубокомысленно кивнул. – Вы весьма мудро поступили, не став взывать к моей морали или долгу гражданина. Вам известно, как я отношусь к жуликам из городского совета. Что ж, удивлю вас, сержант, – я помогу. По одной лишь причине: может, у доктора Херингбута и не вполне в порядке с головой, но он кристально честен и, уверен, не ввязался бы в эту историю по собственной воле. Наш фонд перед ним в некотором долгу. Вы выяснили, в чем состоит суть мошенничества?

Глубоко вздохнув, Маннгеймер потянулся за сигаретами.

– Пока толком узнать не удалось, – пожаловался он. – Все, что мне известно, – речь идет о некоем изобретении. Полагаю, аферисты пытаются убедить комиссара Ниссинга вложить средства в его разработку.

Детектив поковырялся мясистым пальцем в сигаретной пачке и смял ее, обнаружив, что она пуста. Джефф достал портсигар и протянул через стол.

– Угощайтесь, – предложил он, нажимая кнопку сбоку портсигара.

Из него высунулась на два дюйма сигарета; Маннгеймер вытащил ее уже зажженной:

– Отличная вещица.

– Работает прекрасно, но чересчур дорога в производстве. – Джефф положил портсигар на стол и кивнул. – Вернемся к вашему мошеннику Фаркухару. Мне нужны любые сведения о нем, а также все, что известно по этому делу. Чем быстрее, тем лучше.

– Напечатаю сегодня вечером и сам принесу.

– Почему бы не прямо сейчас? Есть какие-то причины?

– Угу, мне нужно в суд. Мы наконец выдвигаем обвинение против того чокнутого доктора, ну, вы знаете, по фамилии Хэмпстед. Его должен был защищать некий пьяница-адвокат по имени Энтони Дж. Блэкстоун, но до меня только что дошли слухи, что этот стервятник угодил в больницу с белой горячкой. Так что дело пустяковое.

– Так уж и пустяковое? – Будь сержант чуть внимательнее, он заметил бы ледяную нотку в голосе Джеффа и увидел бы, как сузились его глаза.

– Угу. Я засажу этого дурачка за решетку лет этак на пять-десять. – Самодовольно улыбувшись, он раздавил окурочек в пепельнице и потянулся к портсигару Джеффа.

– Возможно, вам интересно будет узнать, что защиту доктора Хэмпстеда оплачивает наш фонд, – промурлыкал Джефф, словно готовящийся к прыжку леопард. – К тому же мистера Блэкстоуна также пригласил фонд. Поскольку он болен, я отправлюсь в суд вместе с вами и буду вести защиту сам. – Леопард прыгнул. – И позабочусь, чтобы все обвинения были сняты, а вас осмеяли в зале суда, тупоголовый идиот!

– Что? – задохнулся Маннгеймер.

К несчастью, именно в это мгновение он держал портсигар возле лица, нажимая кнопку. Сигарета выстрелила и исчезла между его губами. Сержант запоздало закрыл рот, и из носа повалил дым.

– Я ее проглотил! – пробормотал он.

– Вам только на пользу, – заметил Джефф, забирая портсигар. – Может, поправит пищеварение. Так что, поедем в суд?

Они молча ехали в центр города на такси.

– Послушайте... вам ведь это не помешает? – Наконец детектив набрался духа и обратился к Джеффу. – В смысле, вы ведь все равно поможете мне спасти комиссара?

– Естественно, – с монументальной рассудительностью ответил Джефф. – Моя правая рука всегда знает, что делает левая, но никогда ей не препятствует. Только не думайте, что если я согласился помочь, то не сожру вас заживо на процессе.

Когда они высадились из такси перед зданием суда, к Джеффу робко подошел потрепанный человечек в запятнанном морском свитере и протянул ему толстый портфель.

– Он стоял за стойкой в «Последнем шансе», как вы и говорили, мистер О'Хара, – хрипло прошептал он.

– Спасибо, Арпад. Я уже заплатил там за тебя пять баксов, так что можешь окончательно уничтожить алкоголем свои голосовые связки.

– Именно этим сейчас и займусь, – прохрипел тот и ушел прочь.

– До встречи в суде, сержант, – холодно улыбнулся Джефф. – Где вы сгорите ярким пламенем.

Это был разгром, катастрофа – но не для полиции. Джефф молча сидел, слушая прокурора, который наводил страх на дрожащего доктора Хэмпстеда. Прокурор не поставил под сомнение показания многочисленных свидетелей обвинения, даже не задал им ни единого вопроса.

– Мне следовало остаться во Флориде, – сказал Джеффу доктор Хэмпстед, в отчаянии заламывая руки с побелевшими пальцами. – Я не переживу зиму в этом штате, в холод-

ной камере. Надо было оставаться на золотых песках, как вы советовали. Я вернулся лишь потому, что моя «Антипростуда» казалась столь надежной, настоящим благом для человечества. Теперь я жертва на алтаре непродуманного гражданского законодательства.

– Если вы о том, что местные копы вас недолюбливают, – не могу не согласиться. Но вы вернулись и стоите перед судом, и у нас еще есть парочка фокусов в старом рукаве. Крепитесь!

Когда Джефф встал, воцарилась полная ожидания тишина.

– Свидетели отсутствуют... – сказал он.

– У вас нет свидетелей? – потрясенно переспросил судья.

– В них нет необходимости, ваша честь. Сторона обвинения предоставила их достаточно, и я не собираюсь тратить ваше драгоценное время на новых. Прежде всего – это дело вообще не должно было попасть в суд ввиду недостаточности доказательств. Средство, которое доктор Хэмпстед изготавливал и продавал под броским названием «Антипростуда», является именно тем, чем оно должно являться, и я намерен доказать это суду.

– Возражаю, ваша честь, – вмешался прокурор. – Перед нами прошел ряд свидетелей-экспертов, продемонстрировавших, что от обычной простуды не существует лекарства, и в том не может быть даже тени сомнения...

– Не существует лекарства, известного им, – поправил Джефф. – Никто из них не испытывал «Антипростуду», а у меня есть подтверждение, что она соответствует своему названию.

– Протест отклоняется. – Молоток ударил по столу.

– Спасибо, ваша честь, – сказал Джефф, шурша толстой пачкой бумаг. – Итак, для протокола: каждая бутылка «Антипростуды» имеет этикетку с указанием состава и инструкцией по применению. После приема разведенным в молоке, как указано в инструкции, лекарство дает требуемый результат.

– Протестую! – снова вскочил прокурор. – Это чертово зелье ничего не содержит, кроме нескольких распространенных витаминов и малых количеств железа и кадмия. Оно не стоит ни цента. Любой аптекарь продаст вам...

– Любой аптекарь продаст вам аспирин! – прервал его Джефф. – Не важно, под каким названием – как аспирин или как ацетилсалициловая кислота. Разные фирмы-производители в коммерческих целях дают ему разные названия, но в любой ипостаси он является популярным средством от множества недугов, в числе которых даже головная боль и ревматизм. Доступность никак не соотносится с эффективностью.

– Отклоняется, мистер прокурор. – Судья снова устало ударил молотком. – Вам не кажется, что стоит померить протесты, иначе мы тут проторчим всю неделю?

Покрасневший прокурор опустился в кресло.

– Не стану вас долго задерживать, – невинно улыбнулся Джефф. – На этикетке каждой бутылки «Антипростуды» ясно написано, что, если ее принимать в соответствии с указаниями, она предотвращает простуду у детей. И это действительно так. Представляю в качестве первого доказательства научную статью. В ней говорится об исследовании, проведенном в тысяча девятьсот шестьдесят первом году доктором Фрэнком Э. Барнсом-младшим, председателем Комитета школьного здоровья Медицинского сообщества штата Северная Каролина. Доктор Барнс обследовал членов школьной баскетбольной команды, как мальчиков, так и девочек, и обнаружил, что большинство детей плохо питаются, причем лишь два процента ежедневно выпивают достаточное количество молока. Проведя трехмесячные наблюдения, доктор обнаружил, что дети, получавшие витаминные добавки, не болеют простудой и не пропускают занятия в зимние месяцы. В то же время контрольная группа детей, питавшихся по-прежнему, простужались как обычно и пропускали занятия.

Прокурор снова вскочил, торжествующе размахивая листом бумаги:

– Если позволите, ваша честь, – об этих так называемых исследованиях нам уже известно. Но нам также известно, что отчет о них не был принят для публикации в «Журнале Американ-

ского медицинского сообщества» на том основании, что ученики средней школы не нуждаются в витаминных добавках. Вам известно об этом, мистер О'Хара?

– Мне об этом известно, – столь же вкрадчиво ответил Джефф. – Мне также известно, что редакция «Журнала АМС» ошибается, так же как в прошлом иногда ошибались редакции журналов и члены авторитетных научных сообществ. Думаю, вам стоит взять назад ваше заявление о так называемом отчете доктора Барнса. Вы что, обвиняете его во лжи? Сомневаетесь в научной точности его тщательно проделанной работы? Не забывайте, редакция «Журнала АМС» лишь выразила свое мнение, на самом деле ошибочное, о том, что витамины не помогают ученикам средних школ. Вы готовы пойти дальше?

– Возможно, я несколько поторопился, – покраснев, сказал прокурор. – Если есть хоть какой-то повод к тому, что мои слова могут быть истолкованы неверно, я с радостью вычеркну их из протокола.

– Как раз вовремя, – добавил Джефф, показывая еще один лист бумаги. – Второе документальное подтверждение. На симпозиуме по вопросам питания в медицинской практике в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, через три года после исследований доктора Барнса, несколько слов по теме было сказано Робертом У. Хиллманом из медицинского центра университета штата Нью-Йорк. Цитирую слова доктора Хиллмана: «Подростки, в особенности девочки, хуже всего питаются в семьях... В результате до трех четвертей девочек-подростков могут не получать до двух третей таких питательных веществ, как витамины А и С, тиамин, рибофлавин, кальций и железо». Таким образом, было доказано, что большинству подростков недостает витаминов, несмотря на любые официальные или неофициальные мнения об обратном. Доказано, что дети с недостатком витаминов страдают от простудных заболеваний. Средство «Антипростуда», продающееся по доступной и конкурентоспособной цене, восполняет недостаток питательных веществ, если принимать его с молоком, как указано в инструкции, и предотвращает простуду. Защита свое слово закончила.

– Вы опять добились своего, Джеффри О'Хара, – дрожащим голосом проговорил Хэмпстед, пожимая кисть Джеффа. – Я в вечном долгу перед вами.

– Это часть работы фонда, доктор. Все, что я прошу взамен, – согласиться на небольшое предложение. Флорида...

– Уже лечу. Какой же я глупец, что вообще вернулся в этот зловещий мегаполис! Есть и другие города, которые точно так же могут воспользоваться плодами моих открытий.

– Не забывайте об этом, когда в следующий раз вам захочется спасти человечество, – сказал Джефф, прощаясь с Хэмпстедом перед зданием суда, и поймал такси.

Было уже пять, когда он вошел в офис КБОККа. Его секретарша Салли Паркер пудрила носик перед настенным зеркалом, прежде чем броситься в бой, которым сопровождалась любая поездка в час пик. Заглядывая в зеркало, она приподнялась на цыпочки, и Джефф окинул веселым взглядом ее стройную фигурку:

– Должен сказать, ваш костюм лишь подчеркивает ваши естественные черты. Вот только... вы что, заделались битником? Или вязаные чулки до колен – желание вернуться к простым крестьянским временам юных дней Америки?

– Мистер О'Хара, – закрывая сумочку, презрительно фыркнула она, – я ношу эти чудовищные вещи исключительно ради науки. И денег. – Она отвернула чулок, под которым обнаружился другой, потоньше, кошмарного пурпурного цвета, в полоску. – Я уже полтора года таскаю эти жуткие чулки на работу, и они нисколько не изнашиваются и не рвутся. Может, вы помните: я получаю за это грант, двадцать пять долларов в месяц. Может, вы также помните, что уже давно уговариваю вас носить их и вне работы. У меня появился план: буду ходить в них без всякого смущения везде и всегда. И за это вы повысите мой грант до пятидесяти долларов в месяц.

– Сорок, – сказал Джефф, заполняя расписку. – Пока они не превратятся в клочья, над ними никто не станет смеяться. Но дополнительная работа стоит пятнадцати баксов. Распишитесь.

– Вы скряга, сэр, как и ваш фонд. – Она сердито нацарапала свою фамилию.

– Вам не следует забывать, что вы всего лишь простая наемная работница.

Джефф остался в офисе один. В ожидании Маннгеймера было самое время заняться бумагами. Сунув расписку Салли в папку с надписью «Мистер Х», он сделал пометку об увеличении времени испытаний не знающих сноса чулок, надеясь, что неизвестный изобретатель когда-нибудь вернется и раскроет секрет их создания.

Чтобы взбодриться после тяжелых трудов, Джефф заказал ужин из ресторана напротив и бутылку бурбона из магазина за углом. Уделяя должное внимание тому и другому, а также периодически просматривая папки и заклеивая письма, которые утром должна будет отправить Салли, он с удовольствием провел время до девяти, когда назойливый стук в дверь возвестил о прибытии Маннгеймера.

– Входите, сержант. Судя по крайне мрачному выражению на вашей честной физиономии, сегодня у вас не самый счастливый день. Садитесь. Уверен, сейчас вы не на службе и потому не откажетесь выпить со мной, и, если не станете упоминать сегодняшний суд, не стану делать этого и я.

Детектив тяжело опустился в кресло, без единого слова взял стакан и протянул толстый конверт. Джефф просмотрел его содержимое, потягивая виски.

– Очень интересно, – сказал он, закончив. – Здесь больше сведений о Фаркухаре, чем было у меня, но абсолютно ничего о том, что происходит сейчас, не считая адреса лаборатории доктора Херингбута. Мне требуется больше данных, но, похоже, ваших мыслительных способностей для этого недостаточно.

– Как тут что-то узнаешь? – мрачно спросил Маннгеймер. – Подсадить жучков? Я пытался, никакого толку. Старого мошенника вроде Фаркухара так просто не поймаешь.

– Конечно. Я поймаю его куда проще. Пойду туда и спрошу, чем он занимается.

– Что вы сделаете?!

– Бросьте, сержант. Не пучьте глаза – красоты это вам не добавляет. Доктор – старый друг нашего фонда и рад будет со мной встретиться. Нас всегда интересовала его работа. Фаркухару придется смириться с моим присутствием, и у него нет никаких законных оснований возражать, поскольку у нас честный деловой разговор. – Джефф достал из шкафа электробритву и начал водить ею по лицу. – Пойду сегодня же вечером. Можете позвонить мне утром, и я дам полный отчет.

– Нарываетесь на неприятности, О’Хара. Этот Фаркухар – крепкий орешек. Похоже, он причастен к исчезновению нескольких человек.

– Что ж, вполне понимаю ваши подозрения. – Джефф выключил бритву, убрал в шкаф и достал роскошный кожаный дипломат с золотыми замками. – О’Хара тоже крепкий орешек и может о себе позаботиться. Нам нужны факты, и именно эти люди способны их представить. – Открыв дипломат, он показал на встроенный магнитофон. – Микрофон спрятан в ручке, весьма удобная штука.

Задумчиво взвесив в руке пустой дипломат, он добавил в качестве балласта пачку бумаги и бутылку бурбона.

– Поедем вместе на такси, – предложил Джефф, выключая свет. – Я выйду за углом возле лаборатории Херингбута, а вам проезд оплатит полицейское управление.

В центр они ехали молча. Дождавшись, пока такси не скроется из виду, Джефф свернул за угол на Ньюбай-стрит. В этой части города находились предприятия легкой и тяжелой промышленности, а также склады их продукции, и с наступлением темноты здесь становилось почти безлюдно, лишь время от времени проезжала машина под широко отстоящими друг от

друга уличными фонарями. Дом номер тридцать два оказался маленьким потрепанным четырехэтажным зданием, почти скрывавшимся в тени гигантских складов. Поднявшись по крошачьим каменным ступеням, Джефф поправил галстук, нажатием на угол дипломата включил магнитофон и вдавил кнопку звонка. Почти сразу же внутри вспыхнул свет, заскрежетали замки и дверь со скрипом отворилась.

– Добро пожаловать, – моргая в темноте, проговорил появившийся на пороге незнакомец, и теплый тон его голоса тут же сменился холодным. – Кто вы такой?

– Джеффри О’Хара, – улыбнулся Джефф. – Я бы хотел увидеться с доктором Херингбутом.

– Что вам от него нужно? – бросил незнакомец.

Он был высок и худ, его симпатичное загорелое лицо украшали усы, как у британского офицера. По полицейским фотографиям Джефф узнал в нем Фаркухара, но не подал виду.

– Я по личному делу, вряд ли оно вас заинтересует, – не обращая внимания на сердитые нотки в голосе собеседника, как можно любезнее ответил он. – Не сообразите ли сообщить доктору о моем приходе?

Фаркухар нерешительно пожевал губу, затем окинул взглядом пустую улицу и наконец решился:

– Ладно, заходите.

Он повел Джеффа наверх по заплесневелой лестнице и распахнул дверь. Джефф успел лишь бросить взгляд на большую, обставленную как лаборатория комнату, когда его внимание привлек человек в белом халате, стоявший к нему спиной и работавший за одним из столов.

– Доктор Херингбут, к вам пришли, – сказал Фаркухар.

– Да? – Человек у стола повернулся.

Джефф шагнул вперед. Прошли годы с тех пор, как он в последний раз видел Херингбута, которого хорошо знал.

– Рад вас видеть, доктор Херингбут, – сказал Джефф и тут же понял, что никогда прежде не встречал этого человека.

– Что вам нужно? – спросил лже-Херингбут – невысокий, с редкими песочного цвета волосами и весьма озабоченным выражением лица.

Джефф тепло улыбнулся, но промолчал. Повернувшись, он положил дипломат на ближайший стол, лихорадочно думая, что ответить.

– Доктор Херингбут, моя фирма направила меня к вам по конфиденциальному делу. Вот визитная карточка.

Открыв бумажник, Джефф пролистал пластиковые разделители, выбрал карточку и протянул собеседнику. Листать разделители, естественно, пришлось потому, что карточки там были совершенно разные.

– Дж. Дж. О’Хара, – прочитал поддельный доктор. – «Интернэшнл фандс лимитед», Берн. И что это значит? В чем, собственно, дело?

– Ist iss eine konfidentialische matternvotter, – с хриплым тевтонским акцентом произнес Джефф.

– Прошу вас говорить по-английски. В этой стране я не разговариваю по-немецки.

«Ты нигде по-немецки не говоришь, если решил, что это немецкий», – подумал Джефф и улыбнулся еще шире.

– Конечно. Я просто пытался объяснить, что пришел по конфиденциальному делу.

Он театрально закатил глаза, глядя на нависшего над ним Фаркухара.

– Все в порядке, можете говорить. Мистер Фаркухар – мой партнер, у меня нет от него тайн...

Речь лжедоктора прервал отдаленный звонок. Он бросил взгляд на Фаркухара, который что-то недовольно пробурчал и вышел.

– Не могло бы ваше дело немного подождать? – нервно спросил лжедоктор. – У нас сегодня вечером важная встреча и ни на что другое времени нет.

Джефф что-то неразборчиво пробормотал в ответ, не сводя глаз с двери. Какое-то время они извинялись друг перед другом, пока не вернулся Фаркухар. Когда Джефф увидел, кто с ним, его улыбка уподобилась оскалу голодного аллигатора.

– Мистер Ниссинг, – сказал он, делая шаг вперед, – какая удача! Собственно, я тут из-за вас.

Толстяк Ниссинг попятился, подозрительно тараща глазки:

– Кто вы такой, сэр? Я никогда вас раньше не встречал.

– Как и я вас, сэр. – Джефф выхватил еще одну визитку и протянул ему. – Но вам все станет ясно, если я скажу, что вы, вне всякого сомнения, хорошо известная и выдающаяся персона и, естественно, я видел ваши фотографии в газетах. Более того, моей фирме недавно стало известно, что вы планируете сделать определенные инвестиции, и я готов предложить любую помощь. – Не обращая внимания на странные взгляды, которыми обменялись все трое, он продолжал: – «Интернэшнл фандс» – всемирно известная фирма, вкладывающая средства во всех частях земного шара. Наша деятельность столь успешна, что мы, ха-ха, страдаем от избытка денег, а вы сами знаете, как это плохо. Деньги делают деньги, но это если они движутся, а никуда не вложенный капитал делает только убытки. Когда мы услышали, что доктору Херингбуту требуется финансирование его изобретения, меня сразу же направили к вам. Когда мы услышали, что вы, мистер Ниссинг, тоже намерены вложить средства, я поспешил со всех ног. Умоляю, не держите меня в неведении – вы обеспечиваете все расходы или остается хоть какое-то место для нас? Чековая книжка у меня в кармане, и я готов тотчас же выплатить любую сумму.

Двое мошенников молча страдали. Ниссинг, однако, расслабился и даже улыбнулся, потирая жирные щеки:

– Крайне рад слышать, О’Хара. Я действительно подумывал вложить средства, но сумма довольно велика, и я буду только счастлив иметь партнера в данном предприятии.

– И каков должен быть вклад «Интернэшнл фандс»?

Ниссинг прикрыл свиные глазки:

– Ну, скажем... сто тысяч долларов?

Покровительственно улыбнувшись, Джефф достал ручку:

– И все? А мы-то надеялись на крупные инвестиции. Впрочем, как скажете. – Он полез во внутренний карман, но рука замерла на полпути. – Надеюсь, вы не против, если я взгляну на изобретение, прежде чем подпишу чек?

– Уверен, профессор не против, – кивнул Ниссинг. – Но... вы же сказали, что вам о нем все известно? – с подозрением спросил он.

– Знать о чем-то и увидеть воочию – далеко не одно и то же, – ответил Джефф, ступая по краю пропасти.

Он пока что не имел ни малейшего понятия о сути изобретения.

– Конечно-конечно, вам же придется что-то рассказывать своему руководству в Берне. Ваше мнение, профессор? Мистер Фаркухар?

Оба натянуто улынулись и поежились, но отступать было некуда.

– Давайте, доктор, – наконец сказал Фаркухар. – Мы все будем рады увидеть вашу невероятную машину в действии.

– Это уж точно, – восторженно заявил Ниссинг. – Нужно хоть раз посмотреть, чтобы в нее поверить.

Поддельный Херингбут повернулся к большой панели управления и включил прибор.

– Разрушение материи требует немалой энергии, – начал он, – как и ее восстановление после перевода в волновую форму. – (Джефф поднял брови, но промолчал.) – Пока заряжается передатчик, могу продемонстрировать работу разрушителя материи...

– Незабываемое зрелище, – заявил Ниссинг. – Я готов хоть сто раз наблюдать, как он работает.

– Будьте добры, дайте пивную кружку, – попросил доктор-профессор. – Собственно, даже можете мне помочь – поставьте ее между поляризационными пластинами разрушителя материи, только постарайтесь убрать руки до того, как я включу установку.

На столе стояла коробка с дешевыми пивными кружками из толстого стекла. Взяв одну, Джефф взвесил ее в руках – тяжелая, прочная и во всех отношениях самая что ни на есть обычная. Он поставил кружку на металлическую пластину размером в квадратный фут, покоившуюся на тяжелых керамических изоляторах. Другая пластина, точно такая же, висела на таких же изоляторах в футах над ней. Обе пластины образовывали верхнюю и нижнюю грани пространства объемом в кубический фут.

– Всем отойти! – театрально воскликнул лже-Херингбут, поворачивая большой рубильник.

Генератор надсадно взвыл, между изоляторами, на которых держались пластины, проскочил слабый электрический разряд. Больше ничего особенного не произошло – если не считать того факта, что пивная кружка окуталась туманом и начала на глазах расплываться, а затем с едва слышным треском исчезла.

Генератор смолк, и Джефф только теперь понял, что стоит столбом, разинув рот. С лязгом сомкнув челюсти, он метнулся вперед и провел рукой между пластинами, но не встретил никакого сопротивления.

– Впечатляет, мистер О’Хара? – прошептал ему на ухо Фаркухар.

– Да, – ответил Джефф, собирая осколки самообладания, – но меньше, чем можно рассчитывать после знакомства с научными докладами.

– И что же говорится в этих самых докладах? – уже резче спросил Фаркухар.

– Ну как вам, О’Хара? – прогудел Ниссинг. – Как вам?

– Потрясающе! – ответил Джефф, проигнорировав нависшего над ним Фаркухара. – Настолько потрясающе, что мне бы хотелось увидеть то же самое еще раз. Что скажете, мистер Ниссинг?

– Хоть сто раз. А вы, профессор?

Лжепрофессор бросил яростный взгляд на Джеффа, но заискивающе заверил Ниссинга, что всегда готов услужить. На этот раз Джефф прошелся вокруг, осмотрев две пластины со всех сторон и даже снизу, и остановился так близко, что при исчезновении второй пивной кружки электрический разряд кольнул его в нос. Он немало знал о мошеннических ухищрениях, но не сомневался: здесь все честно.

Какова бы ни была природа силы, возникавшей между металлическими пластинами, под ее воздействием стеклянные изделия исчезали.

– Похоже, ваш разрушитель материи весьма эффективен, – как можно спокойнее сказал Джефф. – Надеюсь, передатчик, о котором вы упоминали, не менее интересен.

– Совершенно верно, – согласился Ниссинг. – Разрушение не имеет будущего. Если хочешь сделать на чем-то деньги, нужно уметь собирать разрушенное обратно.

– Да, конечно же, передатчик, – угрюмо буркнул лже-профессор и повернулся к панели управления, пытаясь скрыть злость. – Во время демонстрации, которую вы только что видели, луч электронных колебаний попросту разрушил объект, рассеяв его вещество в воздухе в виде облака субатомных частиц. Однако в герметичной камере передатчика частицы модулируют волну очищенной от всех примесей энергии, которая передается в приемник, где объект вновь восстанавливается в его исходной форме, целый и невредимый. Естественно, в нашем случае

передатчик и приемник в демонстрационных целях расположены в одном и том же помещении, хотя при полевых испытаниях нам удавалась передача на расстояние свыше пятидесяти миль.

– А если вложить немного капитала, мощность передатчика позволит преодолевать любое расстояние, – сказал Ниссинг. – Именно так мне говорили, и, полагаю, вы сами понимаете, О’Хара, что это означает с коммерческой точки зрения. – Он начал снимать с запястья часы. – Держите. Можете воспользоваться моими часами, как в прошлый раз.

Джефф заметил, что лжеученый бросил на Фаркухара беспокойный взгляд.

– Почему бы и нет? – учтиво ответил мошенник. – Передать можно любой объект. Вообще любой.

Он протянул руку за часами – «ролекс-ойстером» в золотом корпусе на восемнадцать карат, отделанном хрусталем, на столь же бесстыдно дорогом золотом браслете. Ниссинг отдал часы, и Фаркухар вручил их лже-Херингбуту, повернувшись к Джеффу спиной. Джефф весело улыбнулся – вот это уже другое дело. И пока профессор демонстрировал свою установку, улыбка становилась все шире и шире.

– Я кладу часы в камеру передатчика, из которой должен быть откачан воздух, так как малейшие его количества препятствуют действию сканирующей волны. Но в передней части камеры есть стеклянное окошко, и вы сможете наблюдать за процессом.

Он склонился над громоздкими приборами. Джефф и Ниссинг смотрели в окошко из толстого стекла в передней стенке камеры. Внутри виднелись знакомые пластины на изоляторах, затем появилась рука профессора, вкладывающая в камеру часы. Заработал воздушный насос, и несколько минут спустя давление в камере снизилось до нуля.

– Смотрите! – гордо произнес Ниссинг. – Просто смотрите!

Загудел генератор, затрещало электричество. Часы расплывались, пока не исчезли из виду, и камера опустела. В другом конце комнаты затрещали искры внутри второй такой же установки, снабженной, как и первая, антенной в форме тарелки, возле которой стоял Фаркухар. Ниссинг тяжелыми шагами пересек комнату и указал в окошко на часы.

– Ну, что скажете? – рассмеялся он, поворачивая колесо на боку камеры.

Зашипел воздух, и мгновение спустя часы уже лежали на ладони Ниссинга, заиндедеввшие от вакуума и, возможно, от энергетического воздействия, которому подверглись.

– Все так же тикают и показывают верное время. – Ниссинг перевернул часы и показал строчки, выгравированные на их задней крышке. – Вне всякого сомнения, это мои часы, целые и невредимые, с той же надписью. Что скажете, О’Хара? Вашей «Интернэшнл фандс» это интересно?

– Можете хоть последний доллар поставить, что да, – весело ответил Джефф. – Демонстрация просто великолепная, и...

– Не желаете ли ознакомиться с приборами и принципами их действия, мистер О’Хара? – вкрадчиво вмешался Фаркухар. – Я всего лишь деловой партнер и ничего об этом не знаю. Почему бы вам не задержаться и не побеседовать с профессором Херингбутом, не спросить его обо всем, о чем пожелаете? Нам с мистером Ниссингом нужно пока кое-что обсудить. Мы скоро вернемся.

Умелая рука мошенника уже подталкивала комиссара к двери. Джефф поспешно размышлял. Здесь они не могли повернуть с Ниссингом никакого трюка, так что, похоже, это была всего лишь вежливая уловка, чтобы разлучить его с Джеффом. Но пока все шло удачно, и уж точно худого коротышку-лжеученого можно было не бояться. Джефф слегка размял мышцы под пиджаком.

– Конечно, пожалуйста, – искренне сказал он. – А мы с герром доктором-профессором пока приятно побеседуем.

Дверь закрылась, и Джефф повернулся к лжеученому. Тот шел к нему, подняв руку, словно желая обменяться рукопожатием. Джефф хотел что-то сказать, но запоздало сообразил, что доктор держит его за руку, зачем-то пытаясь ее вывернуть.

– Эй! – сказал Джефф, морщась от боли.

Тут в голове у него раздался хруст, и наступила тьма.

Сознание возвращалось в компании разнообразных неприятных ощущений, которые он пытался побороть, еще не открыв глаза. Наконец подняв веки, он увидел плавно покачивающийся потолок; остановить его удалось лишь ценой крайне мучительного сверхнапряжения мысли. Потолок был пыльный и потрескавшийся, весь в паутине, с единственной грязной лампочкой в проволочной сетке. У Джеффа болела шея, болела голова, а желудок болтало, словно щепку в штормовом море. Он попытался оглядеться, но перед глазами вспыхнула молния, и он глухо застонал.

– Ну наконец-то проснулись. В вашем возрасте вредно так надираться, Dummkopf³.

Услышав знакомый скрипучий голос, Джефф снова усилием воли заставил себя открыть глаза и прищурился. Напротив него сидел худой старик с пучками седых волос за ушами; старомодное пенсне в позолоченной оправе еле держалось на красном носу.

– Доктор-профессор Херингбут, я полагаю? – При каждом слове в голове Джеффа отдавался мощный удар барабана.

Херингбут отвернулся от захламленного лабораторного стола и, моргая, уставился поверх пенсне на Джеффа.

– Вы знаете, как меня зовут? – спросил он.

Джефф медленно приподнялся и сел на край жесткой койки:

– Вы меня тоже знаете, профессор. Джефф О’Хара из КБОККа. Вы однажды получали у нас грант.

– Ага... то-то ваше лицо показалось мне знакомым. Конечно же О’Хара. Годы вас не пощадили: волос поменьше и все такое прочее. Ну и пьете не в меру.

– Это парни наверху так меня отделали, док. И я не пьян. Всего лишь контузия, ссадины и ушибы. У меня голова раскалывается.

Херингбут слез с высокого табурета, семенящей походкой подошел к Джеффу и приподнял его веко, словно чистящая камбалу жена рыбака.

– Ой! – сказал Джефф, ощутив очередной удар молнии.

– Может, вы и правы, – задумчиво произнес ученый. – Зрачок указывает на возможный удар по черепу, так же как и кровь на воротнике. – Он начал шарить в большом шкафу, заставленном бутылками, вынимая одну за другой и что-то бормоча под нос. – Гидрохлорид хлорпромазина... Пикротоксин... Окстрифилин... Ацетат дезоксикортикостерона... – Быстро смешав некоторое количество химикалий в стакане, он потянулся к бутылке с дистиллированной водой. – Вы уверены, что не пили? – спросил он.

– Более чем.

– В таком случае от микстуры вам станет bessere⁴. – Он плеснул в стакан изрядную дозу этилового спирта, добавив немного воды, и поднес стакан Джеффу, помешивая в нем стеклянной палочкой. – Выпейте до последней капли, и вашим проблемам Karutt.

– А мне самому не придет капут? – подозрительно спросил Джефф, глядя на пузырящееся содержимое стакана.

Когда профессор вытащил палочку, он удивился, что та не растворилась наполовину.

Херингбут все же потребовал выпить жидкость, и Джефф, у которого не осталось сил сопротивляться, подчинился. Если не считать некоторого урчания в животе, подобного отда-

³ Глупец (нем.).

⁴ Лучше (нем.).

ленному грохоту вулканов, лекарство не вызвало дурных последствий, и вскоре по организму растеклось приятное онемение, за которым последовала волна восторга и прилив сил.

– Отличная штука. – Джефф встал и размял мышцы, – казалось, сейчас он мог без труда сокрушить каменную стену. – Вам следует ее запатентовать. Сколотите целое состояние на средстве от похмелья и для подъема духа.

– Плоды моего гения сыплются подобно дождю, на коммерцию просто не остается времени.

Вернувшись к лабораторному столу, доктор загремел химической посудой.

– Вы, случайно, не знаете некоего Фаркухара? – спросил Джефф, проверяя карманы.

Бумажник, чековая книжка – все исчезло. Пожав плечами, он подошел к вделанной в бетонную стену стальной двери и попробовал ручку. Та даже не пошевелилась.

– Конечно знаю. Он мой адвокат.

– Адвокат? – ошеломленно переспросил еще не до конца пришедший в себя Джефф. – Но что случилось с вашим прежним адвокатом?

– Несчастный случай. Весьма трагический. Его сбила геппен⁵ машина. У него сломаны обе ноги, и он все еще в больнице. Он прислал письмо, где говорится, что лучше Фаркухара адвоката не найти.

– Понятно, – сказал Джефф. Несчастный случай наверняка был подстроен, а письмо подделано – детская игра для такого прожженного жулика, как Фаркухар. – Возможно, вам знаком еще один человек. Я не знаю, как его зовут, но он невысокий, с беспокойным взглядом, с рыжеватыми волосами и лысиной на макушке...

– Вы имеете в виду Скоби, моего телохранителя...

– Телохранителя?

– Весьма разумное решение с моей стороны, – продолжал Херингбут, подсоединяя какие-то трубки к холодильной камере. – И весьма действенное. Заодно и деньги экономятся. Так сказать, два в одном. Он еще и мой ассистент, опытный лаборант, и в то же время знаток дзюдо... Как это называется? Schwarzgürtel.

– Черный пояс. Жаль, не знал. – Джефф потер ушибленный затылок. – Все сходится. Пожалуй, пора убираться отсюда и внести кое-какие изменения в их планы.

– Вы не сможете выйти, – рассеянно проговорил Херингбут, настраивая бунзеновскую горелку под стеклянной башней. – Дверь опять заело, – похоже, ее так и не сумели починить. А другого выхода из этого подвала нет.

– Ловко, – пробормотал Джефф, осматривая бетонные стены без окон.

В одной имелось отверстие угольного желоба, его закрывала толстая металлическая решетка, приваренная к железной раме. Желоб, достаточно широкий, чтобы можно было по нему пролезть, уходил под углом вверх на несколько футов, и там виднелась металлическая крышка, похоже никак не закрепленная. Легко было бы выбраться таким образом из подвала – если бы не решетка.

– Фаркухар давал вам подписывать какие-нибудь бумаги? – спросил Джефф.

– Конечно! – раздраженно бросил старик. – А для чего еще я нанимаю адвокатов? У меня нет времени все это читать. Он приносит – я подписываю.

– Вы стали жертвой мошенничества, доктор Херингбут, – объявил Джефф. – Фаркухар – известный жулик, а ваш ценный помощник выдает себя за вас. Они замышляют крупную аферу и наверняка используют для этого подписанные вами бумаги.

– Мальчишки – всегда мальчишки, – пробормотал Херингбут, глядя сквозь прищур ресниц на поднимающиеся пузырьки. – Я сам подозревал обман, но, пока хватает денег на эксперименты, мне все равно. Я нанял адвоката, чтобы не угодить в Nervenheilstalt, лечебницу

⁵ Несущаяся (нем.).

для душевнобольных, и он этого не допустит, пока ему платят. Да, я сумасшедший – словно бешеный лис! Ха!

Джефф с трудом сдерживал злость. Нужно привлечь Херингбута на свою сторону, иначе из этого подвала никогда не выбраться. Сладкая парочка наверняка готова сегодня же ночью выдоить свою жертву досуха и смыться из города, раз уж рискнула запереть тут Джеффа.

– Мне нужна ваша помощь, профессор, – терпеливо объяснил он. – Ваш адвокат и ассистент-телохранитель прямо сейчас заканчивают свое грязное дело. Они собрали разрушитель материи. Это изобретение принадлежит вам...

– Никогда не слышал ни о каком разрушителе материи.

– Устройство из двух металлических пластин на изоляторах. Кладешь между ними что-нибудь, включаешь ток, и оно исчезает.

– Unwissenheit!⁶ – завопил профессор Херингбут, свалив со стола целый ярд химической посуды. – Это просто lacherlich!⁷ Вы описываете мой демонстратор эйнштейновского пространства-времени. Он не имеет никакого отношения к разрушению материи. Я построил его лишь для того, чтобы доказать одну мою идею из теории пространственно-временных координат, а потом велел своему schrecklichschuft⁸ ассистенту его разобрать.

– Значит, это не разрушитель материи?

– Разрушитель материи... что за чушь?! – воскликнул профессор, гневно размахивая кулаком над головой. – Это вас за такие слова надо упрятать в психушку, а не меня. Я же сказал: это демонстратор, он не изменяет пространство, но может быть опасен, крайне опасен в использовании. Их нужно остановить! – Он подбежал к двери и в ярости задергал ручку.

– Заперто, – вздохнул Джефф. – У меня такое чувство, что они заперли здесь нас обоих, чтобы мы не могли им помешать. Есть другой выход...

– Где? – рявкнул Херингбут, расхаживая по подвалу, словно лев в клетке.

– Вон там. – Джефф показал на древний угольный желоб. – Можно было бы выбраться через него, если бы не решетка.

– Решетка! Решетка – ничто для Херингбута, я смеюсь над решеткой! Идиоты... – сердито пробормотал ученый, распахивая дверцу шкафа и поспешно собирая на столе какую-то установку. – Что-нибудь попроще... времени нет... нитрат целлюлозы, или пироксилин, – вот что нам подойдет... – Послышалось бульканье – в фарфоровую чашку полилась азотная кислота. – А теперь немного клетчатки... Це-шесть аш-десять о-пять... да, именно так!

Джефф с интересом наблюдал, как разгневанный ученый открывает аптечку и вытаскивает пачку ваты, запикивает ее в кислоту, затем достает откуда-то пакет гипсового порошка и размешивает его в большой миске с водой. Работая одновременно обеими руками и постоянно что-то бормоча, он соорудил странного вида комок из ваты и полужидкого гипса. Попросив Джеффа подержать емкости, Херингбут наложил взрывчатку на железное кольцо, удерживавшее решетку, а затем замазал ее сверху гипсом. Когда гипс почти затвердел, ученый проделал в нем отверстие и вставил кусок пропитанного спиртом шнура. После чего вымыл руки, застегнул белый халат и нахлобучил на голову огромную черную фетровую шляпу, сняв ее с крюка рядом с дверью.

– Я готов, – объявил он. – Уходим?

– После вас, профессор.

– Gut. Предлагаю отойти к стене и прикрыться столом. Будет шумно, полетят осколки, так что лучше поостеречься...

Коснувшись запального шнура спичкой, он поспешил назад и присел рядом с Джеффом.

⁶ Невежество! (нем.)

⁷ Смешно! (нем.)

⁸ Ужасному подлецу (нем.)

Шнур задымился и затрещал. Раздался оглушительный грохот. Кольцо вместе с решеткой пролетело через весь подвал и с лязгом ударилось о дальнюю стену.

– Неплохо, – одобрил Херингбут, ступая сквозь облако дыма и пыли и разглядывая образовавшуюся в стене дыру с рваными краями.

Джефф пролез через желоб, вытолкнул крышку и выбрался наружу. В желобе осталось изрядное количество древней угольной пыли, и, когда Джефф вытащил наверх Херингбута, тот громко выругался, увидев, в какое состояние пришел его белый халат. Джеффу с трудом удалось его успокоить. Отраженного от неба света вполне хватало, чтобы понять, что они находятся на захламленном заднем дворе, с трех сторон ограниченном высокими домами, а с четвертой – ветхой стеной того самого здания, откуда только что вышли. Из-за задернутых занавесок наверху сочился свет, в ночной тишине отчетливо слышалось гудение генератора.

– То ли они глухие, то ли сами так шумят, что не слышали взрыва, – сказал Джефф, пробуя ручку задней двери. Дверь оказалась не заперта. – Что ж, пора заявить о себе.

Он направился внутрь здания. Херингбут следовал за ним по пятам.

– Как раз вовремя, – весело произнес Джефф, распахивая дверь лаборатории.

Находившиеся в помещении люди застыли, словно в немой сцене из плохой пьесы. Ниссинг передавал большую пачку наличных заговорщикам, одновременно протягивавшим руки к добыче. Все трое вытаращились на стоящих в дверях.

– Мистер О’Хара! – воскликнул Ниссинг. – Что с вашей одеждой? Мне сказали, вас срочно вызвали по делу.

– Объяснение последует чуть позже, – заверил Джефф, не сводя бдительного взгляда с обладателя черного пояса, который крался к нему, полуприсев и вытянув руки. – Нет-нет! – с притворным ужасом проговорил Джефф, пятясь.

Скоби улыбнулся, вспомнив, как легко ему удалось победить в прошлый раз, и выбросил вперед руку. Улыбка тут же исчезла – Джефф схватил его за руку, вывернул ее и подсек противнику ноги. Пока тот падал, Джефф успел ударить его ребром ладони по шее и даже пнуть в живот коленом. Издав глухой стон, Скоби без чувств растянулся на полу.

– В прошлый раз ты застал меня врасплох. – Джефф с улыбкой посмотрел на неподвижное тело. – К твоему сведению, у меня тоже черный пояс, а еще я научился в морской пехоте кое-чему такому, чего в школе дзюдо не преподают.

Последние слова Джефф произнес на бегу, и, когда рука Фаркухара опустилась в ящик стола, Джефф уже был рядом. После короткой схватки он завладел пистолетом и сунул его в карман пиджака:

– Вот теперь можно мирно побеседовать.

– Что значит весь этот произвол?! – воскликнул Ниссинг. – Что вы сделали с профессором Херингбутом?

– Ничего, – безмятежно ответил Джефф. – Настоящий профессор Херингбут – вот этот джентльмен в черной шляпе, а тот, кого я свалил, – самозванец.

– То есть вы хотите сказать...

– Установка ненастоящая, и никакого передатчика материи не существует.

– Мои деньги...

– Их выманили у вас обманом. Этот бледный тип, что пятится к двери, – профессиональный мошенник, который доит своих жертв уже много лет.

– Но... я же видел, как разрушитель материи разрушает материю, – сказал Ниссинг, хватая деньги со стола и запихивая обратно в портфель.

– Ха! – Профессор Херингбут театрально скрестил руки на груди. – Вы видели демонстрацию моего демонстратора эйнштейновского пространства-времени. Никакую материю никто не разрушал.

– Н-но... – Ниссинг ошеломленно затряс головой, махнув в сторону передатчика. – Вы же здесь были, мистер О'Хара, вы видели, что прибор работает. Он перенес мои часы через всю комнату.

Улыбнувшись, Джефф взял со стола гаечный ключ.

– Это чудо техники содержит в себе хорошо известный фокус, – сказал он и разбил ключом смотровое окошко. – Видите стекло, расположенное под углом сорок пять градусов? Это и есть секрет фокуса. Объясняю: первым делом жулики купили дубликат ваших часов, что не такая уж большая проблема. Я видел, как Фаркухар совершил подмену, отдав дубликат Скоби, который теперь валяется без сознания. На наших глазах Скоби поместил дубликат в заднюю часть этого ящика, и мы лицезрели его сквозь наклонное стекло. Затем свет над часами стал медленно меркнуть, в то время как с этой стороны он становился все ярче. Второй источник света показывает второй ящик, пустую копию первого, расположенную под нужным углом. За наклонным стеклом, которое теперь играет роль зеркала, наступает темнота, и мы якобы видим: часы исчезают по мере того, как их сменяет изображение пустого ящика. И ничего больше.

Ниссинг перевел взгляд с одного прибора на другой, затем показал на приемник материи:

– И все-таки не пойму – мы же нашли мои часы в этой установке?

– Естественно. Фаркухар подошел и вложил в нее часы, пока мы стояли к ней спиной. Все просто. Секрет всех хороших фокусов в их простоте.

– Меня обманули... – пробормотал Ниссинг, начиная наконец понимать. – Вымогатель! – яростно заорал он на Фаркухара. – Мошенник! Где двадцать тысяч долларов, которые я заплатил тебе на прошлой неделе?

– Такие предприятия требуют средств, – злорадно усмехнулся Фаркухар. – Боюсь, ваше жертвоприношение ушло на текущие расходы...

– А ну, отдавай деньги, мошенник, или я их из тебя выблюю! – Побагровевший Ниссинг шагнул к нему, замахиваясь кулаком.

– Обойдемся без насилия. – Джефф схватил его за рукав. – За двумя исключениями, здесь собрались благородные джентльмены. Я прослежу, чтобы вам возместили все потери. Эти мошенники хотя бы дали вам какие-то бумаги в обмен на наличные?

Ниссинг в замешательстве посмотрел на него:

– Да, но я не понимаю, какое это имеет отношение к делу. – Он достал из портфеля документ и протянул Джеффу. – Вот договор о передаче патента, соглашение о разделе прибыли и все остальное.

– Похоже, все в полном порядке. – Джефф взял у него документ и быстро просмотрел. – Составлено со всей тщательностью, в углу подпись Херингбута. Вне всякого сомнения, это одна из тех бумаг, что он подписывал не читая. Вам повезло, мистер Ниссинг. Должен кое в чем признаться: я вовсе не занимаюсь инвестициями, в чем пытался вас убедить, а работаю в образовательном фонде, который очень хорошо обеспечен, – профессор вам подтвердит. Поскольку мой фонд спонсирует многие работы профессора Херингбута, мы считаем, что имеем в связи с этим определенные обязательства. Не согласитесь ли нам помочь? Мы заплатим вам двадцать тысяч и постараемся как можно больше взыскать с этих мошенников. Но чтобы подтвердить данную сделку в наших бухгалтерских документах, не будете ли так добры подписать передачу прав, которые приобрели... вот здесь, внизу, вполне достаточно места.

– С превеликим удовольствием. – Ниссинг подписал продиктованный Джеффом текст.

– Моя чековая книжка? – обратился Джефф к Фаркухару.

Тот пожал плечами и молча показал на лежавший в углу дипломат Джеффа. Его взломали и вырвали катушку с лентой из магнитофона, но бросили туда все, что забрали у Джеффа из карманов. Достав чековую книжку и ручку, он выписал чек Ниссингу:

– Прошу вас, мистер Ниссинг. У нашего фонда денег в избытке.

– А что будет с этими жуликами? – Ниссинг убрал чек в карман. – В смысле, полиция...

– Прекрасно вас понимаю, сэр. Учитывая ваше новое назначение на должность комиссара, вы можете оказаться в неловком положении. Вас устроит, если они просто исчезнут? На дне реки, с ногами в цементе, и все такое?

– Вы же не хотите сказать... – Ниссинг побледнел. – Нет... я в этом не участвую.

– С глаз долой – из сердца вон! – зловеще улыбнулся Джефф, с сухим шорохом потирая руки. – Не лучше ли вам просто уйти и попытаться выбросить эту историю из головы?

– Да... конечно... прекрасная мысль...

Ниссинг поспешно подхватил портфель, пальто и шляпу и выскочил из комнаты, забыв попрощаться. Послышались быстрые шаги по лестнице, затем хлопнула дверь вниз. Джефф повернулся к Фаркухару, протягивая руку ладонью вверх.

– Гони монету! – сурово проговорил он.

Мгновение поколебавшись, мошенник достал бумажник и отдал Джеффу пачку банкнот.

– Профессор, проверьте, остались ли деньги у Скоби, – попросил Джефф, пересчитывая купюры.

На неподвижном теле Скоби обнаружилось немного денег, но оказалось, что все еще недостает четырех тысяч долларов.

– А ну, выкладывай, Фаркухар! – зловеще проговорил Джефф, сверкнув глазами. – Вряд ли ты столько потратил на эту постановку. Где деньги? – Он подул на кулак.

– Только не бейте! – взвизгнул мошенник.

Бросившись к столу, он начал рыться в нижнем ящике. Потом выпрямился, держа в руке большой пистолет, и направил оружие на Джеффа.

– А ну-ка, – холодно сказал он, – деньги назад.

– Два пистолета, – пробормотал Джефф. – Мне следовало об этом подумать.

В другом конце комнаты появилась, словно ниоткуда, стеклянная пивная кружка и с грохотом упала на пол. Подпрыгнув, Фаркухар развернулся в ту сторону. Схватив еще одну кружку из стоявшей рядом коробки, Джефф швырнул ее. Она угодила в висок Фаркухару, и тот рухнул без чувств.

– Wunderschöne!⁹ – рассмеялся доктор Херингбут и посмотрел на часы. – Зная настройки мощности демонстратора, я могу определить временное смещение. Видимо, это первый использованный мной образец.

Что-то бормоча, он начал писать уравнения на клочке бумаги.

– Как я и рассчитывал, – сказал Джефф. – Вы говорили, что ваше изобретение – пространственно-временной демонстратор, который не демонстрирует никаких свойств пространства. Значит, остается время. – Снова послышался грохот, на этот раз еще громче: в воздухе появился десяток кружек, падавших одна за другой. – Я рассчитывал, что ваше устройство каким-то образом посылает стеклянную посуду сквозь время, и рад, что мои предположения столь точно подтвердились. Мошенники считали вашу установку лишь средством для жульничества, в то время как в руках у них была действующая машина времени. – Он похлопал по карману, где лежал подписанный договор. – Часть ее теперь принадлежит КБОККу, что скреплено подписью и печатью. Хорошая работа, О'Хара, – поздравил он себя самого, поскольку сделать это было больше некому, и снял трубку телефона. – Остается лишь позвонить Маннгеймеру и сообщить, что новый комиссар вышел сухим из воды. Пусть забирает прохвостов и сажает в кутузку на несколько месяцев. Нападение с побоями, незаконное владение оружием и все такое прочее. Жаловаться они вряд ли станут, а когда наконец выйдут на свободу, постараются побыстрее смыться за пределы штата.

⁹ Великолепно! (нем.)

Раздался пронзительный вопль, и в воздухе возник разъяренный кот с торчащей во все стороны шерстью и выпущенными когтями. С воем и шипением приземлившись на пол, он метнулся под стол.

– Вот куда ты подевался, мое маленькое Schatz!¹⁰ – радостно воскликнул Херингбут, обращаясь к коту. – Ах ты, шалун! Путешественник во времени!

– Маннгеймер слушает, – раздался в трубке скрежещущий голос.

– Есть хорошие новости, сержант. Приезжайте – услышите. И захватите две пары самых лучших наручников. У меня был тяжелый вечер.

Примечание. В выпуске «Медиал трибьюн» от 27 марта 1964 года опубликована статья «Подростки плохо питаются, хуже всего девочки». Приведенные в рассказе цитаты позаимствованы оттуда.

Статью также читал доктор Барнс, который написал письмо в «Медиал трибьюн», сообщив о своих более ранних исследованиях взаимосвязи питания и склонности к простудам, а также о том, что отчет о них был отвергнут «Журналом АМС».

¹⁰ Сокровище! (нем.)

Голос КБОККа

– Сами понимаете, радиус действия ограничен, – сказал уродец, потирая сломанный нос бородавчатым пальцем. – С этим монстром столь миниатюрному прибору просто не сравниться.

Он показал сперва на ящичек размером с коробку для сигар у себя в руке, затем на стоящую неподалеку передвижную радарную установку – большой трейлер цвета хаки с тарелкой антенны на крыше и вспомогательным дизельным генератором, набитый аппаратурой и операторами.

– Чуда я и не жду. Зато жду результатов. Давайте, Эспантозо, пока я совсем не околел! – воинственно прорычал полковник ВВС.

– Продолжаю, генерал, – ответил уродец. – Эспантозо всегда держит слово. Я продемонстрирую свое гениальное, можно сказать, чудодейственное изобретение после кратких пояснений. – Он изобразил нечто вроде дружелюбной улыбки, но все впечатление портили два торчавших над нижней губой желтых зуба. С металлическим щелчком он выдвинул снизу ящичка длинное острие. – Этот прибор разработан для военного применения в полевых условиях, а именно с целью обнаружения низколетящих самолетов противника. Благодаря некоторым совершенно секретным незапатентованным компонентам моему изобретению не в силах помешать никакие преграды. Ему нипочем деревья, дома и даже небольшие холмы, и оно в состоянии обнаружить самолет, когда его еще не видно.

Осторожно держа устройство обеими руками, Эспантозо опустил на колени и медленно воткнул острие в землю. Сверху появилась маленькая антенна в форме полумесяца; он щелкнул одним из переключателей на замысловатой панели управления спереди, и антенна начала вращаться. Зрители рассеянно наблюдали за ним, дрожа от холода; под порывами арктического ветра, завывавшего над невспаханными полями, от их энтузиазма не осталось и следа.

– Давайте побыстрее, – посиневшими губами пробормотал полковник.

Собравшиеся вокруг него люди в форме согласно загомонили. На холод не обращали внимания лишь изобретатель и Джефф О’Хара. Эспантозо не интересовало ничего, кроме его творения, Джефф же приехал сюда из города на мотоцикле, в теплых ботинках, штанах, куртке и перчатках, к тому же влив в себя немного антифриза. Остатки виски ждали его в седельной сумке.

– Ради простоты использования в полевых условиях, – объяснил Эспантозо, быстро подстраивая прибор, – я задействовал подсвеченную картушку компаса вместо электронно-лучевой трубки. Отпадает необходимость выводить изображение на экран. Моя схема делает все это сама. Говорите, трудно поверить? Смотрите.

Он щелкнул переключателем, и на круглом диске замерцала светящаяся точка, указывающая на северо-северо-восток. Затем она исчезла, и ее сменило пульсирующее пятнышко возле северо-восточной отметки.

– Давно пора, – хрипло проговорил полковник. – Скажите мобильной группе, чтобы начинали. Пусть отметят время и считывают данные с этой штуковины.

– Есть, сэр, – ответил его адъютант, включая рацию и что-то быстро в нее говоря.

– Вижу подтверждение! – приплясывая и взмахивая лапами пальто, воскликнул Эспантозо. С северо-востока промчался пассажирский «Виккерс-10», набирая высоту после взлета. – Я предпочел это место из-за его близости к аэродрому, тут больше возможностей доказать значимость моего изобретения.

– Про аэродром мне тоже известно, – мрачно усмехнулся полковник. – И я сам кое о чем договорился. Давайте! – крикнул он адъютанту, а затем отвел Джеффа в сторону. – Про коммерческие рейсы можно узнать заранее, – сказал он Джеффу. – Но здесь неподалеку трениру-

ется эскадра, и ее сегодняшняя задача – учебная атака на эту позицию с разных направлений. Сейчас посмотрим, как справится ваш протезе, мистер О’Хара.

– Я тут ни при чем, сэр, – любезно ответил Джефф. – Это вы нашли его в ежегоднике КБОКК за шестьдесят пятый год и обратились к нему с просьбой продемонстрировать свое изобретение.

– Не хотелось бы спорить, О’Хара, но ваша организация спонсировала его. И не сомневайтесь – если эта штука работает, кое-что причитается и вам.

– Мне тоже не хотелось бы спорить, полковник, но Комиссия по благотворительности, обслуживанию и контролю качества всего лишь собирает факты и не несет ответственности за взгляды ученых, получающих ее гранты. Мы весьма скромны и не нуждаемся в поощрениях, но нам и не хотелось бы в случае чего принимать на себя ответственность.

– Вы хотите сказать, что этот мини-радар может не работать? – Полковник резко повернулся к нему. – Что нас обманывают?

– Я ничего не хочу сказать, сэр. Всего лишь указываю на тот факт, что КБОКК относится к подобным вопросам совершенно нейтрально. Я присутствую здесь только в качестве наблюдателя – по вашей просьбе. И на случай, если вы забыли, полковник, – КБОКК является некоммерческим благотворительным фондом, цель которого состоит в выплате грантов исследователям, отвечающим нашим весьма свободным требованиям. Создателя организации, ныне покойного Вольфганга Шлюсселя, спас от безвременной смерти шарлатан-медик, в то время как обычные врачи уже слали ему рекламу похоронных бюро. Он прожил еще немало лет, а когда в конце концов умер, оставил все свои деньги этому фонду, спонсируя поиски других шарлатанов. Проще говоря, мы находим их и подкармливаем, но нисколько за них не ручаемся.

Ответ полковника потонул в реве пронесшегося над их головами военного самолета. Полковник повернулся, глядя на мини-радар.

– А штукавина-то работает, – сказал один из офицеров. – Обнаружила все самолеты, включая этот, когда их еще не было видно. Думаю, тут и впрямь нечто интересное.

Один за другим самолеты с ревом пронеслись мимо, и мерцающий огонек предвещал появление каждого из них. Когда вдаль с грохотом унесся последний лайнер, Эспантозо ухмылялся, словно свихнувшийся людоед, а полковник довольно посмеивался.

– На мой взгляд, лучше некуда, – отметил он.

– Плоды моего гения, – скромно прокомментировал Эспантозо, отбрасывая длинные волосы с красных глаз.

– А это разве не самолет? – спросил Джефф. – Вон там, к югу, низко над горизонтом? Непохоже, что ваше устройство его обнаружило.

– Где? Ничего не вижу! – взвизгнул Эспантозо, поворачиваясь туда, куда указывал палец Джеффа. – Он слишком далеко, я же вас предупреждал...

– А мне кажется, достаточно близко, – заметил Джефф, протягивая руку из-за спины изобретателя к мини-радару.

Все офицеры тоже повернулись к Эспантозо, и какое-то мгновение на устройство никто не смотрел. Пальцы Джеффа шарили по его боковой стенке.

– Неправда, – возразил Эспантозо, и тут он увидел, что делает Джефф. – Шпион! Убери руки! Преступник! – взвыл он.

– Одну минуту, – сказал Джефф. – Да, вот она.

Его пальцы нашли задвижку, и послышался резкий щелчок. Передняя стенка радара откинулась, словно дверца.

– Так-так... и что же у нас тут? – проговорил Джефф, выпрямляясь.

Из открывшейся ниши на землю прыгнула толстая белая крыса. Все замерли. Крыса поводила носом и усами, озираясь по сторонам, затем побежала по неровной земле к Эспан-

тозо. Полковник наклонился, пытаясь ее поймать, но вскрикнул от боли и отдернул укушенную руку. Крыса взобралась по штанине Эспантозо и спряталась в кармане его пальто.

Эспантозо развернулся кругом, ругаясь на чужом языке, но стоявший рядом лейтенант схватил его за рукав:

– Одну минуту!

Кулак изобретателя тут же угодил ему в нос. Хлынула кровь. Офицер отпустил Эспантозо, и тот помчался через поле к темнеющим на горизонте деревьям.

С появления крысы прошло всего несколько секунд. Ошеломленные офицеры смотрели вслед убегающему изобретателю.

– Догнать его, идиоты! – наконец нарушил тишину полковник. – Я хочу с ним поговорить!

Все сорвались с места, кроме Джеффа и двоих пострадавших офицеров. Джефф взглянул на лейтенанта, прижимавшего к носу окровавленный платок:

– Я вижу у вас нашивки пилота. А на этой штуке летать умеете? – Он показал на свой мотоцикл. – У Эспантозо, похоже, немало опыта в беге по пересеченной местности, пешком его не догнать.

Лейтенант перевел взгляд с мотоцикла на быстро исчезающие вдаль силуэты и кивнул.

– Еще бы я не умел! – воскликнул он, отбрасывая платок и прыгая в седло.

Джефф кинул ему ключи, и мотоцикл с ревом унесся прочь. Преследователи преодолели холм и скрылись из виду.

– Похоже, надо вас поблагодарить за разоблачение этого мошенника, – сказал полковник, мрачно глядя на капаящую с указательного пальца кровь. – Хотя, честно говоря, я не совсем понял, что произошло.

– Вас только что обманули, хотя в этом нет вашей вины, настолько хорошо все было проделано. Получив от вас приглашение на эту демонстрацию, я решил поинтересоваться биографией Эспантозо. Проследил ее вплоть до Кито, где он работал в крупнейшей экспериментальной лаборатории страны...

– Мы тоже проследили, и это была одна из причин, по которой решили познакомиться с его изобретением.

– Вы не выясняли, чем он там занимался?

– Ну... я предполагал...

– Прошу прощения, полковник, но КБОКК ничего не предполагает. Эспантозо ухаживал за животными.

– Он... что?

– Заботился о наших пушистых друзьях: крысах, мышках, хомяках – обычный набор лабораторных животных. – Джефф поднял с земли коробочку «радара». – Он заметил, как грызуны реагируют на высокочастотный звук во время экспериментов, и у него возникла эта идея. Три четверти его устройства всего лишь жилище для зверька, но еще есть батарея и сложная электрическая схема.

– Ничего не понимаю...

– Все просто. Это устройство – звукоулавливатель, а не радар. Миниатюрная версия тех антенн, что использовались в тридцатые. Высокочастотный звук от далеко летящего самолета улавливается вот этим расположенным наверху приемником, усиливается и подается через громкоговоритель в отделение для крысы. Для нас он неразличим, даже когда усилен, но животное слышит отлично. А это рычажок. Зверька приучили нажимать на рычаг, когда он слышит самолет, и не обращать внимания на все остальное. Весьма изобретательно.

– Проклятье! То, что мы считали электронным устройством, оказалось слуховым аппаратом для какого-то крысенюша. Я упрячу этого Эспантозо за решетку!

– Не спешите, полковник. Забудьте о пристрастии к последним новшествам. Устройство ведь работало. Возможно, дешевый и простой в обслуживании «крысорадар» может оказаться ничем не хуже обычного.

– Может, и стоит над этим поразмыслить. – Полковник задумался, потирая подбородок. – Но как вы догадались? Почему открыли ящик?

– Отверстия для воздуха с задней стороны, – показал Джефф. – Зачем они нужны устройству на полупроводниках?

Сержант-детектив Маннгеймер из городской полиции с ворчанием опустил тяжелый полевой бинокль. Небольшие заросли полностью скрывали его от военных, но отсюда все было прекрасно видно. Он наблюдал за ходом эксперимента вплоть до его завершения, когда вдруг случилось нечто непонятное и большая часть участников бросилась бежать, исчезнув за горизонтом. Хотелось верить, что Джефф О'Хара теперь не оберется хлопот, но полицейский сознавал призрачность этой надежды. Судя по всему, О'Хара проделал с прибором нечто, ставшее поводом для возникшей суматохи, и теперь детально обсуждает случившееся с начальником военных. Наконец они разошлись, пожав друг другу руки, и Маннгеймер понял, что О'Хара в очередной раз каким-то загадочным образом ускользнул от правосудия.

Тяжело шагая к припаркованной на дороге полицейской машине, сержант размышлял о царящей в мире несправедливости, позволявшей столь явным преступникам, как О'Хара и его чокнутая организация, каждый раз уходить безнаказанно. От этого человека, как и от всех имевших к нему отношение, прямо-таки несло злодеянием. Маннгеймер всегда недолюбливал Джеффа, а с недавних пор, после того как тот помог сержанту в крайне неприятной ситуации, так и вовсе возненавидел.

Всю дорогу до управления полиции Маннгеймер думал только об одном. Особым умом он не отличался, и мысли следовали по накатанной колее. О'Хара, размышлял он, мрачно топая по старым деревянным ступеням и сжимая кулаки. О'Хара. Перед мысленным взором возникли серые прутья тюремной решетки, и вспотели ладони от нестерпимого желания засадить туда О'Хару.

– Что тут происходит? – спросил сержант, окидывая взглядом собравшуюся в кабинете лейтенанта толпу.

– Заткнись, Маннгеймер! – огрызнулся лейтенант и снова повернулся к стоявшим вокруг его стола.

Сержант проскользнул вдоль стены к детективу с лошадиным лицом; у того из ноздрей и ушей торчали рыжие волосы.

– Пью, – прошептал Маннгеймер, – в чем дело-то?

– Пришел адвокат, чтобы вызволить китайца, которого привели вчера. Лейтенант вне себя от злости. – Пью покинул каменистые берега Ирландии тридцать лет назад, но акцент чувствовался до сих пор. – Этот адвокат Доббсон отмечает все обвинения.

– Какие обвинения?

– Коротышка Цзинь дуриет народ: утверждает, будто может излечить любую болезнь, втыкая иголки в нужные места. В том числе и у старушек – ну, ты понимаешь. Одна из них пожаловалась в полицию, но другие убедили ее забрать заявление и даже нашли деньги на адвоката для этого шарлатана.

– Шарлатана... – пробормотал Маннгеймер. – Шарлатана! – с энтузиазмом повторил он и, не обращая внимания на недоверчивый взгляд Пью, протолкался сквозь толпу к столу. – Думаю, вам следует освободить заключенного, сэр... – сказал он лейтенанту.

– Убирайся, Маннгеймер.

– Послушайте меня, сэр. Мы можем использовать этого жулика в куда более серьезном деле.

Лейтенант, которого вся эта история уже изрядно утомила, позволил Маннгеймеру отвести себя в сторону, и тот в конце концов его убедил. Вернувшись к столу, он подозвал адвоката:

– Вряд ли могу согласиться с тем, что тут все настолько кристально ясно, как вы говорите, мистер Доббсон, но причин держать вашего клиента в тюрьме действительно не вижу. К тому же присутствующий здесь сержант Маннгеймер, известный гуманист, уговорил меня проявить снисходительность. Цзинь будет освобожден, как только принесут со склада его личные вещи. Вы бы нам очень помогли, если бы подождали за дверью.

Доббсон, всем своим видом подтверждавший, что действительно хорошо знает свое дело, холодно перевел взгляд с одного полицейского на другого:

– Что ж, подожду. Вряд ли вам понадобится много времени.

Следом за остальными адвокат вышел. Когда дверь закрылась, сублильный Цзинь, в очках в роговой оправе и с единственным золотым зубом, слегка поклонился возвышавшимся над ним полицейским:

– Да пребудут долгими ваши годы! Милосердие американских блюстителей закона не знает границ.

Он хорошо говорил по-английски, но с мелодичным китайским акцентом.

– Мы помогли вам – вы поможете нам, – прямо сказал лейтенант.

Цзинь беспомощно развел руками:

– Чем же могу помочь вам я, скромный врач, почти не знающий местных обычаев?

– Хватит строить из себя Чарли Чана, – бросил лейтенант, постукивая пальцем по лежавшему перед ним бланку. – Вы уже дважды побывали за решеткой, и вы родились в нью-йоркском Чайна-тауне.

– И какое в том преступление? – спросил Цзинь с нью-йоркскими гнусавыми нотками, сразу же позабыв о восточном величии. – Я ничего не нарушил, вы не имеете права меня задерживать...

– Расслабьтесь, – сказал Маннгеймер. – Я все объясню. Вы шарлатан, и вам предстоит познакомиться с одним типом, который заведует клубом для таких, как вы. Мы уже давно пытаемся его изловить, но ему каждый раз удается ускользнуть. Так что вы нам поможете.

– Только не я! Я что, похож на крысу? Ковыряться ради вас в грязи...

– Не о чем беспокоиться, – заверил лейтенант. – Разве мы, полицейские, стали бы склонять вас к преступлению?

– А то нет?

– Еще одна такая шуточка, и я окончательно засажу вас за решетку и выброшу ключ! – рявкнул лейтенант. – Все, что от вас требуется, – уговорить людей из КБОККа вами заняться. Они даже будут платить вам за отчеты про чепуху с иголками. Просто держите ухо востро и сообщайте нам обо всем, что происходит, а остальным займемся мы. Полиции нужен агент в их среде. Согласны?

– Что я еще могу сказать? Деваться некуда. – Цзинь подтянулся и разгладил складки грубой тюремной одежды, затем сложил ладони и слегка поклонился, сразу же перестав быть похожим на уроженца Мотт-стрит. – Ваши достойные уважения аргументы в полной мере убедили то ничтожество, каковым являюсь я. Сделаю все, что в моих более чем скромных силах.

– Отправляйте бланки сразу после заполнения или раз в месяц, как пожелаете, – сказал Джефф О’Хара, передавая толстую пачку бланков и конвертов.

Цзинь поднял с пола такси большой старомодный портфель и бережно убрал в него бумаги.

– Ваша организация оказала мне немалую честь своим вниманием. Благодарю за доверие и выплаченную авансом часть гранта.

– Рад, что вы с нами, Цзинь. Жду ваших отчетов. У нас в реестре был еще один практикующий специалист по акупунктуре, но белая горячка прикончила его до того, как он успел отчитаться. – Джефф на мгновение отвел взгляд. – Вы ведь не пьете?

– Если вы имеете в виду алкогольные напитки, никогда не употребляю.

– Что ж, будем надеяться на взаимовыгодное сотрудничество. Ваша остановка, – сказал Джефф, когда такси затормозило у обочины.

Цзинь вышел и помахал вслед отъезжающей машине – маленькая худая фигурка в черном плаще до колен. Видимо, из дома его заметили, так как дверь открылась, едва он к ней приблизился. На пороге стояла женщина не вполне определенного возраста – голубовато-серая краска для волос скрывала седину.

– Надо полагать, вы и есть доктор Цзинь, – дрожащим голосом проговорила она. – Вы даже не знаете, как долго я ждала этого мгновения.

– Я тоже, дорогая миссис Розенкранц.

– Входите, прошу вас.

Открыв в прихожей портфель, Цзинь достал плоскую черную эмалированную коробочку. Держа ее обеими руками, посмотрел в сторону лестницы:

– Если не возражаете, мне нужно почистить иглы.

– Да, конечно. Ванная наверху, я вас провожу.

– Нет, вам следует расслабиться и закрыть глаза. Это очень важно. Есть ли в доме кто-то еще...

– Никого нет, я одна.

– Не беда, я сам найду дорогу.

– Если настаиваете, доктор... Я буду в гостиной.

– На забываете – нужно полностью расслабиться.

Неслышно поднявшись по лестнице, Цзинь мимоходом заглянул в пустую ванную, а затем попробовал соседнюю дверь. Бросив короткий взгляд в каждую комнату на этаже, он тихо скользнул в хозяйскую спальню. Потребовалось лишь несколько мгновений, чтобы найти встроенный в стену сейф, прикрытый картиной Пикассо; едва взглянув на него, китаец вернул картину на место. Несколько дольше он пробыл у окна в поисках проводов сигнализации, затем соскреб с них изоляцию и закоротил куском медной проволоки, которую достал из черного ящичка: вместо игл для акупунктуры там лежал компактный набор инструментов. Перерезав провода, Цзинь замаскировал разрез мазком краски из тюбика.

Работал он быстро и меньше чем через две минуты вышел из комнаты. Проходя мимо ванной, ненадолго задержался: наполнил раковину водой, а затем дождался, когда она с шумом уйдет в слив. Заменяв в прихожей металлическую коробочку на точно такую же из портфеля, он с торжественным видом вошел в гостиную.

– Вы полностью расслабились? – спросил он лежащую на тахте миссис Розенкранц.

– Полностью, – едва слышно ответила она.

– Тогда начнем. Могу я поинтересоваться, моя дорогая леди, что вас беспокоит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.